

Посвящается 70-летию Костромской области

КОСТРОМСКАЯ ЗЕМЛЯ

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Выпуск 7

КОСТРОМСКАЯ ОБЛАСТЬ
Наша Слава, Гордость и Любовь!

КОСТРОМА
2014

II. ИЗ ИСТОРИИ КОСТРОМЫ

Л. А. Колгушкин

МОЯ ЖИЗНЬ В ГОДЫ ВОЙНЫ 1941 – 1945 гг. Воспоминания

Глава IV

Начало военных лет. Финская и польская войны

Давно уже русские люди на собственном опыте заранее знали о приближении каких-либо событий, выходящих за рамки обыденной жизни, как-то: неблагоприятные осложнения в международных отношениях, надвигающиеся войны, предстоящие реформы в области финансов, сельского хозяйства, снабжения населения продовольствием и промтоварами и т. д.

Самым верным барометром этих событий всегда был и остаётся частный рынок, а также постепенное исчезновение предметов первой необходимости из государственных и кооперативных магазинов.

В связи с этим «тёмные личности» распространяют панические слухи, которые всегда вызывают массовые закупки «впрок» предметов первой необходимости, как то: соли, мыла, спичек, керосина, продовольственных товаров, а потом всего, что попадает под руку, и, конечно, в зависимости от наличия собственных денежных средств.

Вот таковая ситуация была в конце 1939 и в 1940-м году.

В самом начале сентября месяца 1939 года маленькая Финляндия, очарованная непобедимой линией Маннергейма, начала военные действия против СССР*.

В течение нескольких дней в нашей стране прошла частичная мобилизация запасных нескольких молодых возрастов и специалистов.

Фонд Л. А. Колгушкина, хранящийся в ГАКО, не описан. Публикуемые главы входят в обозначенную автором 9-ю книгу воспоминаний «Семейная хроника». Комментарии и примечания к тексту 9-й книги отсылают к книгам 6–8-й. Названия публикуемым главам дано редакцией.

* Правильно: в ноябре.

Все воинские подразделения быстро перестроились на военное положение.

Часть городских школ были освобождены под госпиталя. Казармы были переполнены призывниками.

Военкоматы открыли по городу временные призывные пункты, заняв под них школы и некоторые помещения общежитий.

Основной сборный пункт был при горвоенкомате на Лагерной улице. Я, как приписанный к Костромскому райвоенкомату в качестве начальника приёмно-сдаточного пункта по мобилизации лошадей, повозок, упряжи, согласно приписного листка, обязан был явиться туда в первый день, что я и сделал.

В то время райвоенкомат находился на Крестьянской улице д. № 9, т. е. рядом с поликлиникой — этот военкомат был только что создан. Его военкомом был назначен молодой, энергичный человек т. Майоров, бывший до этого вторым секретарём горкома партии; начальником первой части* был переведён из горвоенкомата старейший работник Занегин Владимир Павлович.

Явившись в райвоенкомат, я тотчас же получил предписание открыть приёмно-сдаточный пункт и начать мобилизационные функции.

Помимо лошадей кавалерийской и артиллерийской категории, было приказано мобилизовать большое количество обозных и, особенно, обозно-вьючных лошадей.

Наш приёмно-сдаточный пункт был заранее намечен на территории Посадского леса, в конце Галичской улицы, там, где в настоящее время находится второй участок городского кладбища.

В первый же день начала войны мне был придан штат военнообязанных в количестве около 60 человек — запасных кавалерии и конной артиллерии, а также ветеринарных работников.

На территорию были вывезены сборные домики специального образца, мебель и необходимая документация.

Мобилизационная работа закипела с утра второго военного дня, т. е. 6 сентября.

В этот год, только начав учебный год в школе**, я вынужден был на несколько дней оторваться от педагогической работы, передав свои административные функции завучу школы тов. Цветковой Анфисе Васильевне.

---

* Первая часть военкоматов в годы Великой Отечественной войны занималась мобилизацией людских и материальных ресурсов.

** С сентября 1935 г. Л. А. Колгушкин работал директором Костромской семилетней школы слепых детей имени Горкома ВКП (б). Сейчас это специальная школа-интернат для слепых детей на углу улиц Энгельса и Войкова.

Мы работали весь день без отдыха, перекусывали «на ходу» тем, что захватили с собой из дома и могли покупать в ларьке, где был хлеб, сыр, варёные яйца, колбаса, спагетти. Из титана получали крутой кипяток.

Из-за притока большого количества лошадей и транспорта пришлось работать до абсолютной темноты.

Ночевать большинство работников осталось тут же. За день работы на территории пункта у нас выросли целые стога сена и штабеля мешков с овсом. Это фураж, мобилизованный вместе с лошадьми. Чувствуя приближение прохладной ночи, мы устраивались спать в стогах сена.

С вечера все, кроме часовых и дежурных коноводов, уснули как убитые, но на утро ударил такой мороз, что вся трава, стволы деревьев — всё покрылось белым инеем. Мы задрогли и вынуждены были вылезти из своих нор и бегать, бегать без конца, лишь бы хотя бы немного согреться.

Чуть рассветало, из горветлечебницы, которая находилась в конце Галичской улицы, пришёл старичок ветфельдшер, т. Смирнов Андрей Капитонович, и пригласил меня выпить стакан чаю. Придя в лечебницу, я застал там наших ветврачей, Грацианского Андрея Ивановича и Вишневого Александра Васильевича. Мы выпили по стакану разведённого спирта, закусили холодным мясом и с аппетитом попили чаю. Такой завтрак спас меня от неминуемой простуды, т. к. я был легко одет — только в лёгкий плащ, тогда как все остальные были одеты тепло.

Порученную нам работу мы выполнили в срок. Лошадей и транспортные средства сдали приёмщикам формирующихся воинских частей, документацию и всё оборудование сдали в райвоенкомат, и через три дня я вернулся в школу.

А там под Выборгом и по всей линии Маннергейма шли ожесточённые бои. Финляндия, как моська из басни Крылова, огрызалась своими снайперами, но всё же ей пришлось признать себя побеждённой.

Несмотря на это, внешняя обстановка не была спокойной, т. к. зашевелилась фашиствующая Польша, и мы снова были вынуждены проводить частичные мобилизации.

Ещё в финскую войну был мобилизован наш сосед по квартире Поляков Владимир Георгиевич. По прибытии на передовую, он вскоре был ранен в живот, эвакуирован в глубокий тыл, пролежал в госпиталях несколько месяцев, а там война кончилась, и он вернулся домой, даже не вполне излечившись. Фашистская Германия

в 1940 году заключила с СССР договор о ненападении. Для чего в Москву приезжала целая немецкая делегация, во главе с министром иностранных дел Иохимом фон Риббентропом, который при отъезде на наши приглашения погостить у нас подольше сказал, что вскоре он прибудет в Москву на длительное время.

Оказывается, уже в то время был у них «план Барбаросса», и он, уезжая, намекнул на оккупацию Москвы, но побывать ему в Москве так и не пришлось.

Финско-польская война была начата с целью прощупывания нашей мощи перед началом большой войны Германии с СССР.

Мы, простые русские люди, как-то интуитивно и по показаниям общественного «барометра» чувствовали приближение больших событий.

В магазинах стали быстро исчезать предметы так называемого «ширпотреба», полки магазинов пустели, а спекуляция оживлялась.

Руководимая мною школа с 1940 года решением высших органов Народного просвещения, по нашим ходатайствам, была реорганизована в среднюю, были подобраны довольно сильные, авторитетные кадры учителей и воспитателей, воспитанники учились с большим желанием получить законченное среднее образование с наивысшими оценками с тем, чтобы успешно поступить в ВУЗы. С питанием, обмундированием, учебными пособиями, бумагой, приборами и учебниками — всё обстояло более чем благополучно. Казалось, что вся жизнь с каждым годом будет ещё более расцветать и богатеть. В семье у меня всё было спокойно. Юра, окончив семилетку*, проявил желание посвятить себя сельскому хозяйству и устроился учиться в только что открытый сельскохозяйственный техникум, на зоотехническое отделение.

Ему усиленно рекомендовал это учебное заведение муж Анны Ивановны, бывшей Колгушкиной, Николай Александрович Логинов, который, как инженер-химик, устроился туда преподавателем. Кроме химии, в вечерне-ночное время Николай Александрович, встав на дружескую ногу с Юрой и другими мальчишками, занялся просвещением их искусству ухаживания за студентками этого техникума.

Будучи чрезвычайно распушенным в половом отношении, забывая, что он отец двоих детей, муж слепо любящей его жены, он был верен своему принципу, постоянно везде и всюду повторяя афоризм: «На свете красивых, милых девушек много, всех перелюбить невоз-

---

* Сын Юрий окончил семь классов в 30-й средней школе — «в том самом здании на Муравьёвке, где была первая гимназия» (Кн. 8-я).

можно, но стремиться к этому надо!» Это же он внушал своим ученикам, которые успешнее усваивали этот курс, чем химические уравнения и задачи.

Возраст, условия обучения в вечернее время, активное участие «учителя химии» способствовали развитию у Юры нового увлечения — это девушки-студентки, а лошадка «Дочка» стала отступать на второй план*.

Юра даже иногда не успевал вовремя покормить** и попоить свою питомицу, а о чистке и прогулке нечего было и думать. Кормить и поить приходилось маме***.

Кроме того, Юра очень огорчался, что «Дочка», вопреки его ожиданию, росла некрупной лошадкой и к трёхлетнему возрасту едва достигала высоты в холке 1 м 32 см, а с таким ростом она не подходила в армию даже в обоз.

Время становилось всё тревожное. Газеты и радио ежедневно сообщали об успешных завоевательных действиях гитлеровской армии в западной Европе.

Народный «барометр» приближался к делению «буря».

В то время Юра, перейдя на вечернее отделение техникума, устроился на должность младшего зоотехника в Костромском райзо****.

---

* В 1938 г. родители купили Юре жеребёнка за 250 рублей у родителей его друга Юры Абрамова (Кн. 8-я). Ещё в 1931 году отцу, уезжавшему в Тверское кавалерийское училище «для прохождения КУКС (курсов усовершенствования командного состава)», Юра «заказал <...> привезти из училища рыжего жеребёнка» (Кн. 8-я). «С самых ранних лет я привил ему (Юре. — А.С.) любовь к лошадям и к конному спорту. Приезжая верхом обедать, я уже в двухлетнем возрасте сажал его в седло и шагом водил лошадь по двору. Он приучался сидеть в седле и не боялся лошади. К пяти годам ездил самостоятельно шагом вдоль всей Ивановской улицы и научился даже поворачивать коня.

С одиннадцати лет Юра стал регулярно ходить в конно-спортивную школу Осоавиахима, которая в те годы находилась на Галичской улице, на территории бывшего «Нескучного сада». У него появились новые друзья, и вскоре его оформили в группу юных конников. Особенно близко он сдружился со своим сверстником Юрой Абрамовым, сыном инженера, преподавателя текстильного института» (там же).

** Корм для лошади Юрий вначале покупал в конно-спортивной школе. Но в 1939 году «вследствие какой-то реорганизации конно-спортивной школы и смены её руководства, Юре было отказано в отпуске кормов <...>.

Пришлось фураж покупать на Сенном рынке, а ликвидировать жеребёнка было нам жаль — уж очень он был хорош.

Юра же, как мы потом узнали, тайком от всех написал письмо т. Будённому С. М., бывшему в то время инспектором кавалерии.

В письме Юра написал приблизительно следующее:

“Дорогой Семён Михайлович!

Обращаюсь к Вам как конник к коннику.

Мой отец, старый кавалерист, купил для меня маленького жеребёнка. Я — юный конник и хочу вырастить для себя хорошую строевую лошадь, с какой можно было бы служить в кавалерии.

Сейчас мне не дают фуража по плановой цене, а покупать по рыночным ценам для отца очень тяжело.

Я уверен, что Вы, Семён Михайлович, войдёте в моё положение и поможете мне вырастить хорошую лошадку” и т. д.

В конце августа меня вызвали в канцелярию президиума горисполкома и объявили ответ из канцелярии т. Будённого, которым предлагалось беспрепятственно выдавать Колгушкину потребный фураж по плановым ценам из фонда кавшколы. Юра торжествовал, и нам было небезразлично, т. к. избавляло наш бюджет от излишних расходов» (Кн. 8-я).

Маршал Советского Союза С. М. Будённый с 1937 по 1939 годы командовал войсками Московского военного округа (<http://topname.ru/biography/semen-budennyj.htm>); инспектором кавалерии РККА он был в 1924–1937 гг. (http://www.personbio.com/view_post.php?id_info=1476).

*** Надежда Сергеевна, урождённая Крылова (1898–1957), выпускница Костромского епархиального училища. Её отец Сергей Михайлович Крылов — в 1920-х гг. был настоятелем церкви на Лазаревском кладбище; в 1930-х гг. дважды арестовывался: первый раз около 3-х месяцев просидел в костромской тюрьме, а во второй арест (около 1932 г.) ему было предъявлено обвинение «по пункту 10-му ст. 58 У. К., т. е. обвинение в агитации против существующего строя. <...> Тестя судила “тройка” и дала ему три года ссылки на поселение в районе Крайнего Севера. Его выслали в Коми АССР, северо-восточнее Котласа, за 500 километров от ближайшей железнодорожной станции» (Кн. 8-я). Возвратившись из ссылки (его «сактировли» до окончания срока), служил в сёлах Печенегове и Тетеринском Нерехтского района, с. Любовникове Костромского района, в Судиславле; последнее место службы — с. Здемирово Красносельского района (видимо, в это время он и приобрёл дом в с. Красном).

**** Районный земельный отдел.

Разъезжая по району, он приглядывался, куда бы повыгоднее продать свою питомицу, да так, чтобы молодую лошадку не особенно обременять тяжёлой работой.

Глубокой осенью 1940 года Юре удалось продать свою «Дочку» Заволжскому ветеринарному пункту за 4200 рублей. Всем нам было очень жаль расставаться со своим выкормком, но приходилось смириться.

Получив столь большие по тому времени деньги, мы стали подумывать, как бы их рациональнее израсходовать.

Мы решили дождаться зимних каникул и вдвоём с Юрой съездить в Москву для того, чтобы купить ему велосипед, которых в то время в наших магазинах ещё не было в продаже.

Кроме того, нужно было купить сахару, масла, колбаски и прочего продовольствия, чего у нас в Костроме уже давно не было.

Приятно встретив Новый 1941 год, мы с Юрой второго января выехали в город Москву. Решили остановиться в Глазовском переулке д. № 3 у Небельзиковых, вернее, у дочерей Вячеслава Алексеевича и у его бывшей жены Стефании Блажеевны. Обе дочери были уже замужем, а старшая Людмила даже успела развестись*. Все пять дней нашего пребывания в Москве мы посвятили всевозможным закупкам. Юра купил себе чудную, кавказскую, каракулеву папаху, огненно-рыжего цвета, за 200 руб., закупили необходимых продуктов, вплоть до двух бутылок красного цимлянского, и два килограмма апельсинов.

Наконец, в ГУМе купили велосипед за 1100 рублей и тут же отдали его для упаковки и доставки на Ярославский вокзал человеку неопределённой профессии, который в залог [оставил] свой паспорт, а продавец дал нам за него поручительство.

С этого момента начались наши мытарства.

Прежде всего, приехав на вокзал, нам пришлось порядочно понервничать, т. к. человек с велосипедом задерживался и в нашем сознании рождались самые мрачные мысли в отношении честности человека, которому мы доверили ценную вещь.

Наконец, он появился с велосипедом на плече.

Далее, в товарной конторе в приёме велосипеда без проездных билетов нам отказали. Камера хранения его также не приняла, не считая его ручным багажом. Мы оказались на распутье. Обойдя все

---

* Небельзиков Вячеслав Алексеевич, артист оркестра Большого театра, был в это время женат на двоюродной сестре Н. С. Колгушкиной — Софье Владимировне, урождённой Фроловой. Вторая дочь В. А. и С. Б. Небельзиковых — Зинаида (Кн. 8-я).

инстанции, я решил идти к начальнику товарной станции т. Орлову, с которым пришлось вести очень продолжительный разговор, и он окончился в нашу пользу только после того, как я впервые в жизни подсунил ему 25 рублей. Он дал записку в какое-то отделение, где за 10 руб. наш велосипед уколотили в деревянную рамку и выдали квитанцию, за что пришлось платить ещё два рубля.

Мы были рады успешным окончанием отправки велосипеда, денег не жалели, памятуя пословицу: «Не подмажешь — не поедешь!»

В этот же день мы взяли билеты в плацкартный вагон до Костромы и, освободившись от всех неотложных и трудных дел, решили два дня посвятить полному отдыху. Мы заходили на 2-ой Обыденский переулок к Розовым, навестили в Чернышёвском переулке В. В. Фролова, в то время он был уже вдов и жил в одной квартире со своей дочерью Софией Владимировной и зятем Вячеславом Алексеевичем Небельниковым.

Заходил я и в Наркомпрос РСФСР. К вечеру, закупив хороших закусок, водки, лёгкого вина, фруктов, мы шли в Глазовский переулок, где очень недурно проводили вечера в весёлой молодой компании. Пожилая Стефания Блажеевна не отставала от молодёжи и, по-своему, была очень интересна.

Во время этой поездки Юра как-то разоткровенничался и поведал мне не весьма приятную новость. Оказалось, что при активном содействии «уважаемого» Николая Александровича Логинова он сдружился со своей однокурсницей Шаваркиной Верой Александровной, которая была старше его на 2—3 года.

«Дружба» эта в скором времени превратилась в близкие отношения. Они встречались каждый вечер. Для интимных встреч Юра находил места на конюшне, где они на сеновале весьма свободно и счастливо проводили вечера, а иногда и ночи. В результате Вера призналась, что ждёт от него ребёнка.

Мы с Надей советовали ему жениться на Шаваркиной, но он категорически отказывался, отговариваясь тем, что никаких обязательств они друг другу не давали и он недостаточно любит Веру, чтобы жениться на ней.

Глава V

Начало Великой Отечественной войны 1941—1945 годов

Хорошо погуляв в Москве, довольные покупками вещей и продуктов, мы благополучно приехали домой и своевременно приступили каждый к своей работе.

Мы оба были бодры, здоровы, а я с приближением весны чувствовал какой-то особенный прилив молодости, житейской удовлетворенности и довольства.

Весна постепенно брала свои права. Школа успешно готовилась к экзаменам, окончанию учебного года и выезду на дачу в с. Троицу*.

Горячая работа была у завхоза т. Тихомировой Е. В. Ей, помимо основной работы в городе, приходилось каждую неделю всеми видами транспорта добираться на школьную дачу, где были сданы ремонтные работы бригаде плотников, столяров, печников и маляров. С ней иногда ездил и её муж Василий Ефимович, который к тому времени начал сильно прихварывать и слепнуть.

Завуч т. Цветкова А. В. составляла расписание отпусков учителей и воспитателей, а также расписание выпускных и переводных экзаменов.

Все подготовительные работы своевременно завершались. Силами всех сотрудников школы в специальных низеньких ящиках была выращена цветочная рассада для посадки в цветниках на даче и в пришкольном саду.

И вот учебный год успешно завершён. Основное большинство воспитанников разъехалось по домам, около сорока сирот и физически ослабленных детей было вывезено на дачу, учителя и свободные от работы воспитатели ушли в очередные отпуска.

Собрался отдохнуть на лоне природы и я со своей небольшой семьёй.

Я выписал себе отпускные деньги и тут же две тысячи рублей вложил в свободный золотой заём до первого тиража, намеченного на 30 июля.

И вот «грянул гром войны»!

В воскресенье 22 июня 1941 года был ясный солнечный день начала лета. В школьном липовом саду, на свободных лужайках-квадратах, обрамлённых могучими липами, мы разбивали фигурные клумбы и в последние дни июня месяца заканчивали высадку на них цветочной рассады.

Я принимал личное участие в этой работе, охотно помогая любительнице-садоводу, технической работнице т. Троицкой Любви Сергеевне.

Около трёх часов дня я в очень хорошем настроении возвращался домой, мечтая о воскресном отдыхе, и вдруг, свернув на Ивановскую улицу, я увидел бегущую в слезах соседку Веру Дмитриевну Протопо-

---

* Чернопенский сельсовет Красносельского района.

пову (бывшую Нестерову), которая, громко рыдая, сказала, что только что выступал по радио Молотов В. М. с извещением о коварном выступлении против Советского Союза фашистской Германии в ночь на 22 июня. Их авиация бомбила крупнейшие наши города, как то: Брест, Минск, Киев, Одессу и другие. Их танки и мотосоединения перешли нашу границу и, тесня наши воинские соединения, безудержно рвутся на восток.

Вере Дмитриевне было из-за чего расстраиваться — её единственный сын Женя служил в Красной армии на самой западной границе.

Меня это сообщение поразило как гром среди ясного дня.

Придя домой, я застал свою семью и семью соседей Поляковых в крайнем возбуждении и растерянности. Наскоро перекусив, я побежал в райвоенкомат на Крестьянскую улицу, и, к моему удивлению, там, кроме сторожа, не было никого. В воскресный день все разъехались на «зелёную».

Мне пришлось дожидаться несколько часов, прежде чем прибыли военком т. Майоров и начальник 1-ой части тов. Занегин Вл. Павлович. Надо сказать, что в то время я был аттестован с присвоением звания старшего лейтенанта кавалерии и был допущен к совершенно секретной мобилизационной работе по линии военкоматов.

Тут же мы втроём вскрыли мобилизационный план города и Костромского района, чем и «завели» всю мобилизационную машину, которую уже нельзя ни замедлить, ни прекратить, т. к. были вскрыты все совершенно секретные данные мобилизационного плана.

Тут же были пущены во все концы города и района эстафеты с мобилизационными повестками и извещениями учреждениям, предприятиям и учебным заведениям о вскрытии мобпакетов и переводе всей жизни города на военные рельсы. Время измерялось только часами и минутами.

Жутко становится, даже когда вспоминаешь всё пережитое, и как-то сейчас и не верится, что с такой быстротой, чёткостью, сознанием ответственности все советские люди, осознав серьёзность момента, отдавали свои силы, энергию и время перестройке всей жизни на военное положение.

Уже 23 июня трудно было узнать мирную Кострому.

В городе поражало какое-то поспешное оживление. Толпы призываемых запасных направлялись на сборные пункты, открытые во многих частях города.

Все пункты вошли под команду горвоенкома подполковника т. Видякина Григория Ивановича, а непосредственное руководство выполнял капитан запаса т. Кириллов Михаил Евтихievич со сво-

им заместителем Палашевским Николаем Михайловичем. Пунктом мобилизации автотранспорта командовал техник-интендант I ранга Флёров Виктор Александрович.

А мне по-прежнему было приказано открыть приёмно-сдаточный пункт в Посадском лесу, и я непосредственно вошёл в подчинение военкома политрука т. Майорова.

Снова, как и в финско-польскую войну, в течение одной ночи в лесу вырос временный военный городок со стандартными домиками, коновязями, навесами, грибами для часовых, указателями и прочее.

Среди дня 23 июня город стали наводнять сельские призывники, которые шли толпами в ужасно заплатанных одеждах и даже в лаптях, которые в обычное время уже не носили. Они несли за плечами огромные мешки-«сидора» с сухарями и необходимыми предметами обихода. Их, как обычно, сопровождали толпы плачущих женщин — жён, матерей, невест, а также подростков. Некоторые даже тащили на себе тяжёлые «сидора» призывников. Призывники одевали самую плохую одежду потому, что при получении военного обмундирования домашняя экипировка обычно бросалась.

Сообщения информбюро и газеты приносили неутешительные новости. Враг с молниеносной быстротой двигался вглубь страны. Бомбардировочная авиация фашистов творила своё разрушительное злодейство по всем дорогам и населённым пунктам.

Городское самоуправление издавало постановление за постановлением о светомаскировках, о ночных дежурствах граждан, о правилах противовоздушной обороны, о привлечении граждан на копку противотанковых рвов, заграждений и прочее, во дворах рыли щели на случай прятаться в них во время бомбежки.

Наша школа копала такие щели в конце сада, около Ушаковских ям.

Наконец пришло распоряжение выделить людей на оборонные работы на Волховский оборонительный рубеж.

От школы мы выделили двух мужчин и трёх женщин. Бригадиром был назначен руководитель духового оркестра т. Пелянен Адам Михайлович. Они уехали туда без указания срока. Все работоспособные из оставшихся в Костроме ежедневно отрабатывали дни по копке противотанковых рвов вокруг города. Это было много позднее, уже при наступлении сильных заморозков, а потому приходилось пользоваться ломami, кирками и даже оттаивать землю кострами.

* * *

В первые недели войны в областях стали организовываться ополченские, коммунистические дивизии из числа коммунистов, комсомольцев и беспартийных патриотов. Так у нас организовалась

Ярославская коммунистическая дивизия, со штабом формирования в гор. Ярославле.

Основное большинство конников кавшколоы ОАХ*, в том числе оба Юрия, наш и Абрамов, записались в конную разведку этой дивизии и в полном составе выбыли в г. Ярославль в конце июля месяца.

Наш приёмно-сдаточный пункт каждый день получал дополнительные наряды по мобилизации лошадей и транспорта для вновь формирующихся дивизий в г. Костроме. Конца работы не предвиделось, а потому военное начальство разрешило мне совмещать работу на пункте со школьной. Я с раннего утра заезжал в школу, потом ехал на пункт, а к вечеру снова возвращался в школу.

Всей школьной работой в течение дня руководила завуч Анфиса Васильевна Цветкова, по ремонтам же вела наблюдение завхоз тов. Тихомирова Елена Васильевна.

Как-то, подъезжая к пункту, я увидел, как в сильном испуге бежал по центральной аллее старший делопроизводитель стола формирования т. Чистяков, а за ним в сильном возбуждении какой-то молодой ст. лейтенант в военном плаще с пистолетом в руке. Я остановил бегущих и выяснил, что военный был стар. ветврач вновь формируемой дивизии тов. Коломиец, который дико кричал, что это вредитель и он его сейчас же расстреляет. Оказалось, что врач требовал невозможного. Он не принимал сформированные партии лошадей, а требовал выбора. Он допускал оскорбительные выражения, говоря, что тут кругом враги и лучших лошадей сохраняют для немцев, которые подходят уже к Бологому.

Я пробовал успокаивать разнервничавшегося врача, но ничто не помогало. Тогда я его разоружил и задержал до приезда вызванного мною начальника дивизии и военкома т. Майорова. Когда они приехали и выяснили этот инцидент, врач получил 10 суток ареста, а Чистяков ещё дня три страдал «медвежьей болезнью». Все мы потом долго смеялись.

Приблизительно чрез полмесяца Юра в большом горе вернулся из Ярославля, где его после медицинского освидетельствования отчислили из дивизии по тромбозу вен**. Юра же Абрамов остался

---

* ОАХ (Осоавиахим) – Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству; массовая общественно-политическая организация граждан в 1927–1948 гг.

** Зимой 1936/1937 г. Юра долго и тяжело болел брюшным тифом, следствием болезни стал тромбоз вен и «утолщение больной ноги против здоровой на 4 см» (Кн. 8-я).

в дивизии, которая, отформировавшись, срочно выступила на оборону Москвы. Фашистские полчища приближались с юга-запада к столице, к Бологому и Волхову, создавая кольцо под Москвой и угрозу Ленинграду. Нашим трудополченцам пришлось пешком бежать на г. Вологду, смешавшись с эвакуированными, и только через месяц вернуться в г. Кострому.

С первых же дней войны оборудование фабрик, заводов, а также некоторые учреждения нескончаемыми эшелонами шли на восток, через Урал, а некоторые базировались в больших приволжских городах. Навстречу им шли эшелоны с военной техникой и воинскими частями.

Вскоре пошли с запада санитарные поезда с ранеными. Прибывали они и в Кострому.

Однажды к вечеру прибежал домой семилетний Слава Поляков с криком: «На Муравьевку привезли раненых. Сколько много убежало из госпиталя державцев, они все в белых халатах и с носилками!» Держavec в его понятии был санитар, держащий на носилках больных. Это слово он часто слышал, т. к. это была фамилия лучшего городского хирурга Михаила Анисимовича.

Все мы безудержно смеялись над этими «державцами».

Моим заместителем на приёмно-сдаточном пункте был назначен техник-интендант 1-го ранга запаса т. Лаговский Александр Викторович, до войны работавший юрисконсультom на каком-то промышленном объекте и который был известен мне ещё от гражданской войны, когда он работал юристом в Костромском губвоенкомате. Помощниками были — по административной части тов. Баусов и по хозяйственной тов. Шагурин.

Ветврачи постоянно менялись. Дольше других работали т. т. Вишнеvский А. В., Грацианский А. И., Орлеанский Н. Н., Казанский Г. И., Соловьёва Е. Т., и даже иногда бывал на пункте мастиный т. Просвирнин Василий Иванович. Ветфельдшером постоянно был Смирнов Андрей Капитонович, старшим кузнецом Чернов Никита Иванович и агентом по снабжению Федотов Григорий Савельевич. Средний, младший командный состав, а также рядовые постоянно менялись в связи с призывом в маршевые роты.

Постоянными вестовыми и кучерами были у меня Кадыбердеев Алей Измайлович, а у Лаговского брат Алея, Якуб. Это были честные, исполнительные и дисциплинированные служаки, которые, не считаясь со временем, выполняли все возлагаемые на них обязанности.

В конце августа месяца нам было предложено подыскать соответствующие помещения, где можно было бы перезимовать со всем нашим громоздким хозяйством (конским составом, обозом, мастерскими и прочее). Не задумавшись долго, мы оккупировали бараки бывшего свинокоопхоза по Высоковской дороге за вокзалом. Лучшего места не нужно было и искать. Тут были все удобства: близость ж/д станции и воды, бревенчатые бараки, луга и т. д. На сравнительно большой территории было около 8 барakov. Правда, довольно изношенных, полусгнивших, а в основном расхищенных на топливо жильцами соседнего посёлка Кишбазы.

Общими силами мы срочно их подремонтировали. Три из барakov превратили в конюшни, один в ветеринарный изолятор. В остальных оборудовали склады для упряжи, телег, саней и прочее. В самом большом барাকে устроили шорную, гвоздильную и столярную мастерские, дежурную комнату и буфет. В отдалении построили тесовую кузницу на два горна. За каждым объектом закрепили специалистов, и «комбинат» заработал на удивление горвоенкомата и даже Ярославского облвоенкомата. (В то время Костромской области ещё не было)*.

Так мы вступили в первую военную зиму.

Школа же слепых детей с большими трудностями провела в первый военный год подготовку к началу занятий. Во всем уже чувствовались недостатки. Родители некоторых маленьких воспитанников на этот год даже не привезли их в школу.

Пришли новые учителя, окончившие Ленинградский институт им. Герцена: математик Австрийский Алексей Васильевич, словесник Дмитриева Мария Николаевна и историк, бывший воспитанник нашей школы Давыдов Иван Степанович. Все трое незрячие. Мужчины семейные, а женщина — одиночка, которая и попала в чрезвычайно тяжёлое материальное положение. Всем сотрудникам школы приходилось очень много трудиться помимо основного педагогического процесса. В особенности было критическое положение с топливом, а также нелегко проводились и оборонные работы.

Слепые учителя ни в чём не отставали от зрячих. Мужчины особенно тяжело работали по заготовке топлива, вытаскивая из ледяной воды брёвна разбитых плотов и топляк на реках Волге и Костромке. Во дворе эти обмёрзшие брёвна пилили, раскалывали и укладывали в поленницы. За свой труд сотрудники получали скудное питание, а мужчины ещё и по полстакану спирта-сырца.

---

* С марта 1936 г. по август 1944 г. Кострома входила в состав Ярославской области.

Топливо было первая трудность, а вторая — это питание. Все граждане получали питание по продкарточкам, а воспитанники были посажены на детские нормы, несмотря на то что больше половины их имели возраст за восемнадцать лет.

300 граммов хлеба им, естественно, не хватало. Старшие начинали голодать. Нужно было что-то предпринимать. В частности, придумать что-то в отношении богатых шефов, а также организовывать огородно-парниковое хозяйство и увеличивать количество поголовья свиней на своей свиноферме.

Попутно — почти забыл описать об одном инциденте, разыгравшемся ранней осенью.

Всем школам-интернатам и детским домам было предложено Костромским горкомом ВКП(б) и горсоветом выделить десять человек технических работников, а от нас ответственного руководителя по перегону гуртов крупного рогатого скота симментальской породы и овец из Смоленской области в г. Кострому для распределения их на временное содержание по подсобным хозяйствам воспитательных учреждений.

В качестве руководителя этой группы мы выделили старейшую, энергичную, честную и любящую всякие ответственные административные поручения воспитательницу тов. Толкунову Елиз. Николаевну. Она очень охотно согласилась. Группа срочно выехала поездом через Москву на границу Смоленской области, где, приняв от погонщиков гурты коров и овец, гужом погнали их в Костромском направлении.

По пути некоторые дотошные и нечестные женщины-погонщики для улучшения своего питания в пути и для весёлых пирушек, с согласия т. Толкуновой, начали менять своих породистых коров на беспородных крестьянских, получая в придачу по 5000 рублей с головы, а овечек забивали, составляя акты на несчастные случаи. Пожалуй, всё бы сошло с рук, если бы в это дело не вмешалась одна из погонщиц, Николаева Александра Фёдоровна, по прозвищу «делегатка». Она потребовала от Толкуновой прекратить разбазаривание колхозного имущества.

После одного бурного разговора т. Толкунова среди погонщиц высказала мнение обуздать т. Николаеву. И вот где-то около Мытищ две смелые погонщицы из Денисовского детдома повалили Николаеву на пол и, приговаривая: «Не наушничай», — выпороли её верёвкой.

Пригнав в Кострому, всё стадо загнали во двор школы слепых.

Туда же по вызову пришёл заместитель зав. горно т. Тарасов Виктор Николаевич. Вот тут-то, в моём кабинете, т. Николаева рассказа-

ла обо всём, целиком обвиняя т. Толкунову. Умалчивать было никак нельзя, т. к. Николаева собралась идти в Горком ВКП(б). Тов. Тарасов должен был возбудить дело против Елизаветы Николаевны.

Следствие шло около двух месяцев. Её привлекли к суду только за халатность, т. к. она кое-какие деньги собрала с участников похода и всего возместила государству за шесть коров, уплатив большую часть из личных сбережений, так что ей по суду не приписали корыстной заинтересованности. Она получила три года и была выслана в Ярославскую пересыльную тюрьму «Коровники», где её прикрепили к больнице в качестве медсестры. Итак, ей пришлось надолго расстаться со школой слепых.

Хотя её и освободили досрочно через два года, но авторитет в школе у неё уже был потерян, а потому ей была предоставлена воспитательская работа в санаторно-лесной школе на «Козловых горах».

* * *

К осени первого военного года кое-какие изменения произошли в жизни и моей личной семьи.

Надя поступила на работу секретарём-машинисткой в большой госпиталь на Муравьёвке, которым руководил опытный врач т. Залкинд Гедалий Львович.

Юру призвали в армию и выслали в запасной полк в г. Сурок, где-то в Чувашии или Марийской республике. Он писал оттуда, что голодает и болеет. Это нас очень огорчало, но помочь ему мы ничем не могли, за исключением советов спешить с прохождением медицинской комиссии с жалобами на тромбоз флебит. Наконец, Юра прислал долгожданное письмо, в котором сообщал, что комиссия признала его негодным к службе в армии, но требуется пройти ещё какую-то, более высокую, комиссию. Со дня на день мы ждали возвращения Юры домой.

И вот как-то рано утром дежурный по пункту доложил мне, что кто-то позвонил по телефону и спросил, на пункте ли я, а через несколько минут вызвали меня на улицу, чтобы посмотреть, как едущие в телеге колхозницы остановили идущего с палочкой красноармейца и угощали его пирогом, а он почему-то отказался и, хромя, пошёл по направлению к пункту. Приглядываясь, я издали узнал Юру и побежал ему навстречу.

Наши семейные радости были велики. Мы, как могли, устроили ему встречу, но его беспокоила обострившаяся болезнь ноги, а главное, убило печальное сообщение о его друге Юре Абрамове, который ещё в начале сентября месяца погиб при бомбежке в окрестностях Москвы от прямого попадания бомбы, которая разорвала его и лошадь, которую он вёл на водопой.

Очень интересное сообщение привёз Юра о Королёвых. Проезжая через Ярославль, он встретил Николая Сергеевича Королёва, который по предписанию обкома ВКП(б) ехал к новому своему назначению. Он был очень болен и собрался в больницу. Он сказал, что жену Марию Николаевну он потерял во время бегства из Бреста, а сын Александр умер в тюрьме от дизентерии. Это была последняя встреча с Королёвым. Он заболел сыпным тифом и в бреду выбросился из окна четвёртого этажа больницы.

Вскоре мобилизовали и Владимира Георг. Полякова* и через три недели выслали на фронт.

Юра, отдохнув несколько дней, снова начал работать в райзо младшим зоотехником.

Заканчивая эту главу, хочется отразить явления, связанные с военными действиями. Так, ещё в сентябре месяце, по предписанию Н.К.П. РСФСР к нам, в Кострому, эвакуировалась Ленинградская школа слепых детей в количестве 210 человек, включая 11 человек работников. Их пришлось разместить в некоторых комнатах третьего

---

* Королёвы и Поляковы — соседи по дому на Ивановской улице (д. 31), ранее полностью принадлежавшему Колгушкиным. Королёвы вселились в дом в конце 1926 или начале 1927 г., в это время Н. С. Королёв заведовал Костромским губернским земельным отделом. М. Н. Королёва отличалась скверным характером и много крови попортила Колгушкиным, с которыми Королёвы жили в одной (коммунальной) квартире. Сын Королёвых Александр — вор-рецидивист.

«Наше безоблачное семейное небо постепенно стала закрывать тяжёлая, чёрная туча интриг, доносов и открытых грязных атак, оскорблений и унижений со стороны и даже некоторых близких родственников».

Больше всего нам пришлось пережить от вновь приехавших в нашу квартиру соседей Королёвых» (Кн. 7-я). В 1928 г. Королёвы написали донос на Л. А. Колгушкина, который в это время, будучи беспартийным, работал начальником первого отделения милиции. «Как-то вечером мой знакомый скромный, честный, но туберкулёзный человек, т. Сизов, сказал мне по секрету, что кто-то из моих соседей по дому подкапывается под меня, написав в губком партии донос о том, что я белый офицер, бывший домовладелец и имею связь с попами, дома держу в комнатах иконы и для ребёнка устраиваю рождественские ёлки. Этот донос поступил к начальнику губмилиции для рассмотрения. Сомнения не было, что это исходило от Королёвых. В этом и заключалась их месть» (там же).

этажа (зал, больничка, два класса). В то же самое время лично к нам приехали из Москвы Розовы: Сергей Александрович, Зоя Сатирична и их дочь Лия.

Они очень боялись бомбёжки, в особенности Сергей Александрович, который в военной обстановке показал себя большим трусишкой.

Так, по постановлению Моссовета все мужчины его возраста при начале воздушной тревоги обязаны были выходить на крыши своих домов и обезвреживать зажигательные бомбы. По его же словам, с ним получался нервный припадок, и его одевали в старушечий костюм и уводили в бомбоубежище вместе с женщинами, стариками и детьми. На крышу же ходила их дочь Лия. Вот почему, оставив старушку Анну Михайловну сторожить московскую квартиру, они выехали в Кострому.

Некоторое время они жили у нас, а потом им дали квартиру на улице Шагова в доме специалистов. Лию же они оставили у нас, т. к. боялись её мобилизации на трудфронт. Ей было уже 19 лет. Сергея Александровича я устроил временно воспитателем интерната нашей школы.

Все же долго им не пришлось проживать в Костроме. Угроза немецкого наступления, бомбёжки Ярославля, Данилова, Любима и Нерехты, воздушные тревоги в Костроме надрывали сердца слабонервных людей, и даже коренные костромичи, в первую очередь евреи, стали эвакуироваться на восток и на Нижнюю Волгу. Розовы также начали срочно собираться с последним из плавучих эшелонов.

Желающих ехать грузили в трюмы барж. Было начало декабря, по Волге уже плыло «сало».

Мы горячо простились со своими родственниками, пожелали им счастливого плавания и ждали от них писем. Особенно не хотелось уезжать Лии, но для этого у неё были веские основания, о чём напишу в следующей главе.

Ленинградская школа уезжала с тем же эшелоном. Буксирный пароход с большим трудом дотащил эвакуировавшихся по Каме до Осы или Ижевского источника и вместе с баржами вмёрз в лёд. Люди всеми способами добирались до крупных населённых пунктов Удмурдии, Башкирии, а некоторые переезжали и за Урал. Там переживали своё изгнание. Многие болели и даже умирали. Ленинградская школа потеряла более 40% детей и троих из числа сотрудников и их семей.

Глава VI

Последующие военные годы. «Короткое замыкание»

В военное время каждый год так насыщен всякими событиями, как в мирное и за три года столько не произойдёт.

Итак, тесть Сергей Михайлович временно первые месяцы войны жил у нас, устроившись для ночёвки на полатах в прихожей, а Лия нашла себе место на диване в одной комнате с Юрой.

Молодые, пылкие натуры не теряли времени и, несмотря на родство, влюбились друг в друга и недурно проводили свободное время. Вскоре Лия, вместе с родителями, должна была выехать из Костромы на южный Урал, а ей так не хотелось расставаться с Юрой.

Вот тут-то и разошлись их дороги в жизни, но чувство друг к другу осталось надолго. Даже через 20 лет они встречаются с радостью и большим желанием несмотря на то, что оба имеют семьи и взрослых детей. Лия в Удмуртии поступила в какой-то индустриальный институт, где познакомилась со студентом старшего курса Березиным Евгением Викторовичем и ускоренно вышла за него замуж.

А приблизительно в то время у Юры начался серьёзный роман с бывшей своей одноклассницей по массовой школе татаркой Тислимой Космасовой. Это была скромная, восемнадцатилетняя девушка, распускавшаяся в пышную национальную красавицу. Она, по окончании фельдшерско-акушерской школы, работала палатной медсестрой в больнице.

Она быстро поддалась чарам более опытного в этих делах «ухажёра». Тислима искренне полюбила Юру всем свои девичьим сердцем, ещё не размененном на мелкие влюблённости. Она строго берегла свою девичью честь и ни в коем случае не допускала близости.

Помимо обычной скромности, на пути этой искренней любви стояли законы шариата и корана, не разрешающие правоверным мусульманам соединять свои судьбы с гяурами, т. е. инаковерующими. К тому же [её] отец исполнял в то время обязанности муллы и был единственным представителем мусульманского духовенства костромских татар, хотя он и работал простым электромонтёром в Облпотребсоюзе.

Мы с Надеей были форменно ошарашены заявлением Юры о его намерении жениться на Тислиме: во-первых, в столь суровое и голодное время, каким был второй год войны; во-вторых, нас пугал категорический отказ родителей Тислимы и, в-третьих, на совести Юры была Вера Шаваркина и её дочь Людмила. Мы не знали честного

выхода из этого положения. В военное время все невольно спешили, события свершались с калейдоскопической быстротой и были полны всевозможных, неожиданных и чаще всего печальных свершений.

Все чаще и чаще поступало печальных извещений «о героической» гибели защитников нашей Родины. Пришли извещения о смерти Жени Протопопова, двух братьев Астафьевых — Бориса и Евгения, Гурылева Игоря. Всё это дружки и сверстники Юры*. А сколько было таких скорбных известий о неизвестных или малоизвестных нам людях, погибших в самые тяжёлые для нашей страны месяцы.

Учитывая такую обстановку и не будучи уверенными, что Юру не постигнет участь его бедных друзей, мы, посоветовавшись с тестем Сергеем Михайловичем, решили не препятствовать ему женитьбе на Тислиме, но все же не знали, как быть с её родителями.

Мы начали готовиться к свадебному «торжеству», а в то время это было крайне тяжёлое дело. От продкарточек ничего не оторвёшь, а других ресурсов у нас никаких не было.

Свадьба была назначена на 2 февраля, т. е. в годовщину нашей с Надей свадьбы. За два дня Юра зарегистрировался с Тислимой, и они получили брачное свидетельство. Мы скромно их поздравили, и Тислима осталась у нас.

На другой день утром кто-то постучал в парадную дверь. Надя открыла, и вошёл очень пожилой электромонтёр в военном плаще и с когтями. Он спросил: «Вы Колгушкина?» — «Да!» — «У вас произошло короткое замыкание», и он для вида стал глазами смотреть провода в прихожей. Взглянув на вешалку и увидя коричневую плюшевую жакетку Тислимы, спросил: «Тислима у вас?» Получив утвердительный ответ, он попросил пройти с ним на кухню, где сказал: «Я отец Тислимы. По нашему закону, я должен убить свою дочь, но вижу, что она попала в хорошую семью. Только не обижайте нашу доченьку!» — и сам горько зарыдал. Надя стала успокаивать его и сказала, что молодые вчера зарегистрировались в ЗАГСе, просила простить Тислиме её поступок, пригласила на свадьбу. Он сказал: «Я успокоился за дочь. Прошлого не вернёшь. До свидания!»

Глубокую драму переживали старики Космасовы.

Дальний родственник Тислимы Снушев Гумяр Абдулович, а также два брата Кадыбердыевы, Якуб и Алей, приняли самое горячее участие в подготовке свадьбы. Они достали очень много хорошего конского мяса, сахара, конфет, сыру и даже хорошей колбасы и пшеничной муки высшего сорта. Главное же — было много водки и виноградного

---

* Юра родился в 1922 году.

вина. Мы напекли пирогов с мясом, перимечей (беляшей), котлет и приготовили немудрёную закуску. Были за столом все три татарина с жёнами, мой тесть и мы. Родители Тислимы и даже старшая сестра Биби-Асьма не пришли. Очень непринуждённо, просто и весело провели мы вечер субботнего дня, а на другой день продолжили гулянку. Надо сказать, деньгами много помог тесть, да и Сиушев, который был председателем какой-то крупной промартели. Большие паи вложили и братья Кадыбердеевы, как родственники невесты. И вот жизнь пошла своим чередом, требуя от нас тяжёлого труда с затратой сил, здоровья и времени, чуть не свыше всяких возможностей.

В связи с приходом в нашу семью Тислимы, Юра всё свободное от работы время проводил дома и проявлял большую заботу о материальном обеспечении семьи. У нас, родителей, не было намерения делиться, и все мы чувствовали первое время себя в одной родной, дружной семье. Всё делали с общего совета и согласия.

Как-то вскоре Юра через райзо получил во временное пользование маленькую, красную коровёнку, у которой было оторвано полхвоста, почему она и была выбракована на мясо, т. к. в стаде её искусали бы насекомые. В городе же у нас она стала давать до 8 литров молока в день. Сено Юра доставал в колхозах, а барду Тислима носила со спиртзавода. Ей очень нравилось доить и ухаживать за этой коровкой.

Лично же у меня была большая забота и о школе, и о военном объекте.

С ранней весны мы начали организовывать в школьном саду парники. За зиму, из-за отсутствия топлива, приходилось выпиливать в некоторых местах парка подсохшие липовые деревья, а потом и прихватывать даже живые столетние липы. Оказалось много освещаемой почвы.

Для набивки парников ещё зимой я присылал ежедневно по 6–8 подвод свежего конского навоза, который завхоз Тихомирова и бухгалтер Орлова принимали весьма неохотно, боясь, что мне не удастся устроить парники и весь навоз придётся закапывать в землю. По-ихнему не вышло. Лично я нашёл опытного огородника, старичка Корепанова Николая Дмитриевича, который согласился организовать всё парниковое хозяйство и руководить им первые два года. На первое время было запланировано 60 парниковых рам, которые мы заказали в стройконторе.

Котлованы в количестве 10 штук выкопали силой работников школы, опалубку же сделал школьный столяр по указанию Корепанова. Кварту месяцу он сам лично сплёл 100 штук соломенных матов и высеял в парники семена капустной и помидорной рассады и ранних

овошей, как то: лука, салата, огурцов, укропа, редиса и прочее. Всходы были отличные, а на первое мая все мы пробовали свежие огурцы и ранние овощи.

Ещё с осени я приглядел землю вокруг пункта и через горисполком оформил для школы 5 га чудной, залежной земли, в своё время удобренной, как выпасное угодье свинкоопхоза. 4 га мы отвели для посадки школьного картофеля и посева овса, а 1 га выделили работникам для индивидуальных огородов.

Каждому давали по 2 сотки. Обработку всей земли производила Татпромартель* по договору — где можно было, пахали трактором, а где и лошадьми. Местами были пни, а потому приходилось применять Кейсовский раскорчовочный плуг. Вспахано было глубоко, но проборонили очень плохо. Картофель пришлось сажать под пласт. Многие люди поговаривали, что мы напрасно затрачиваем так много труда и ценного посевного материала. У нас же выхода не было — надо было кормить детей и свои семьи. Всходы картофеля и овса нас радовали — они были крепкие и густые.

Мне нужно было заботиться и о кадровых работниках пункта. Ведь никто из них не был на воинском довольствии, а получали только лишь суточное денежное довольствие. Паёк давался только офицерскому составу. Я разрешил использовать землю между бараками, и большинство сотрудников вскопали себе грядки.

Сотрудники военкоматов получили землю между пунктом и посёлком «Кишбазы».

Работа на пункте к лету 1942 года получила другое направление. Ещё в январе 1942 года к нам на пункт стали поступать раненые и больные лошади из воинских частей и даже с фронтов. Помимо лошадей, нам слали вагоны поломанных телег, тачанок, фур, грабарок, саней, упряжи. Силами специалистов пункта это всё ремонтировалось. Часть безнадежно больных лошадей приходилось забивать на месте, а мясо сдавать на корм свиньям в совхозы и колхозы, а также охранам для сторожевых собак. Разрешалось брать мясо и работникам пункта для корма свиней и других животных.

Ветработники, врач Казанаклий и фельдшер Смирнов А. К., смело употребляли такое мясо для собственного питания. Ели его почти

---

* Директором Татпромартели был упоминаемый в воспоминаниях Гумяр Абдулович Сиушев. «Тогда в Костроме машин почти не встречалось, все грузы перевозились конной тягой. В Татпромартели было 700 ломовых лошадей, на них работали исключительно татары» (Сергей Лаврентьев. Татарская слобода // Костромские ведомости. — 2013. — 3–9 сентября. — С. 11).

все рядовые работники пункта. Конечно, оно было не вредно, но уж чересчур истощённое. Алей Кадыбердеев присмотрел трёхлетнюю лошадку со сквозным абсцессом холки, т. е. с травмой, которую надо лечить несколько месяцев, что в военных условиях невозможно. Я получил разрешение военкома Майорова эту лошадь списать, а Алей взялся за два месяца откормить её с тем, чтобы получить хорошее мясо и много сала. Овса и сена он потихоньку брал с пункта у кладовщика как бы для нашей выездной лошади, которую ночь держал у себя в Татарской слободе.

Много лошадей поступало на пункт с инфекционной анемией, эмфиземой лёгких и чесоткой. Их лечили стационарно.

Кроме двух соток от школьного индивидуального огорода, я немного взял земли на пункте, собственноручно вскопал четыре маленькие грядки, на которые высеял семена моркови, репы, турнепса и свёклы. В свободные часы я ухаживал за своими грядками, поливал, пропалывал, рыхлил, но урожаем у меня получился очень плохой.

Наш пункт, как неплановая единица, не получал ничего в организованном порядке. Работникам приходилось нелегально доставать где-то каменный уголь для кузницы и отопления помещений, проволоку для изготовления гвоздей, которые были весьма дефицитным товаром, а также верёвку для коновязей и обмотки розвальней. Этому нашему мероприятию весьма помогало отсутствие строгой охраны товарной станции, слабый учёт грузов и сговорчивость охраны за кружкой спирта. В добыче сырья активное участие принимал Шагурин и кузнец Чернов.

О Шагурине надо будет сказать побольше, во-первых, потому, что он был один из немногих членов партии на пункте, во-вторых, выполнял обязанности комиссара нашего учреждения.

До войны он работал заведующим каким-то отделом на одной из текстильных фабрик. Возраст его был немногим больше сорока лет. Маленького роста, худощавый, шустрый, с насмешливым выражением жёлтого морщинистого лица, он внушал какую-то особую симпатию к себе. Как неугомонный балагур и анекдотист, он был неистощим в своих каламбурах. Одышка и хронический бронхит на почве астмы доводили иногда его до болезненного состояния, а он всё время курил и курил самосад. Вот с ним-то и произошла довольно неприятная история.

Как-то его жена заявила мне, что её супруг всегда является домой очень поздно и в нетрезвом виде. Иногда не ночует дома. Она представляла любовную связь с женщинами и очень ревновала мужа, а дело же обернулось много проще. Шагурин любил выпить. В своей

«коммерческой деятельности» он связался с какими-то «шабашниками», и они ему на пункт часто приносили водку или самогон, а он расплачивался за это гвоздями и шорными изделиями. Я вынужден был уличить его, освободив с пункта и передать в распоряжение горвоенкомата. Там ему нашли работу на сборном пункте. Вскоре он серьёзно заболел какой-то тяжёлой сердечной болезнью, был положен в госпиталь и вскоре скончался. В его компании был и Баусов, которого также пришлось освободить с пункта, а их функции передать Чернову Н. И.

Ещё в конце декабря 1941 года горвоенкомат назначил тов. Лаговского А. В. командиром транспортно-гужевого батальона, к формированию которого мы тотчас же и приступили. Людей дал горвоенкомат, а нам нужно было мобилизовать 2600 лошадей с упряжью и 1300 саней. В январе месяце батальон выбыл в г. Ярославль, а Александр Викторович приблизительно через месяц снова вернулся на пункт, т. к. его батальон поротно распределили между формируемыми дивизиями. Якуб же, уехавший вместе с ним, остался в одной из дивизий.

В конце 1942 года горвоенкомат взял у меня и Алея, которого заменил на пункте ограниченно годный к военной службе некто Грушин.

Алей все-таки успел откормить лошадь, и на мою долю досталось около трёх пудов чудесного жирного мяса и целая бадья внутреннего сала.

* * *

В тяжёлые месяцы первого года войны наша семья не испытывала голодовки, которая выпадала на долю многих людей. Я стал получать паёк по карточке литер Б, а остальные по 3 группе. Кроме того, имел возможность покупать кое-что из съедобного в ларьке сдаточного пункта, а самое главное, хлеб.

Надя ежедневно получала на день один обед из госпиталя, который мы делили на всех, т. к. повар т. Крепион Виктор Георгиевич всегда добавлял к порции. Нередко я возил с пункта хлеб и прочие продукты и по-тихому отдавал их буквально голодающим сотрудникам школы, а к ним, в первую очередь, относились Дмитриева М. Н. и Австрийский А. В. Им же я иногда давал солёного свиного шпика, т. к. в те годы всегда на осень мы выкармливали поросёнка.

В школьном коллективе из-за недостатка питания происходили и довольно курьёзные случаи. Первые дни учения в 1941 году учителя всей группой ходили обедать в столовую при Доме советов, но там кормили супом с крапивой или лебедой, а ждать нужно было часами. Учителя вскоре прекратили эти походы. Мы выхлопотали получение

с фабрики-кухни обедов, состоящих из бульона с наваром из костей и засыпанного ржаной лапшой или просто иногда несеейной мукой. То и другое представляло из себя мутный клейстер. Для получения этой «прелести» мы выделили воспитательницу тов. Троицкую Ангелину Александровну, в помощь которой давали одну техничку.

И вот однажды звонят мне из первого отделения милиции, что т. Троицкая задержана за хищение этой лапши (в количестве одного котелка гущи) для своих сестёр.

Я побежал в милицию, и в дежурной комнате за перегородкой я увидел перепуганную, плачущую Ангелину Александровну с металлическим ополовником в правой руке, приложенном к плечу как винтовка у солдата на часах. Смех и грех! Тут же инцидент был исчерпан, и А. А. отделалась легким испугом.

А вот учительница Виноградова Людмила Сергеевна имела более тяжёлые последствия. Съев шесть полных тарелок такой «повалихи», она почувствовала тяжесть в кишечнике, появилась рвота и расстройство. Ей пришлось болеть около пяти дней.

В общем, в эти месяцы большинство сотрудников школы сильно голодали, и все с нетерпением ждали урожая овощей на своих участках индивидуального огорода. Воспитанникам же было ещё хуже. Мне пришлось разрешить варить кашу из мучки, даваемой по наряду с круазавода и мельницы для корма животных, а из барды стали варить кисели. Среди воспитанников ежедневно устанавливалась очередь на вылизывание чугунов после такого «кушания». Вот что делал голод!

Очередные отпуска были на время войны отменены, а потому все работники школы использовались на необходимой физической работе, и прежде всего, на заготовке топлива для школы. Нам были запланированы лесные делянки вблизи деревни Песиково в Костромском районе, километров за 20 от города.

Я имел возможность отлучаться с пункта и принимал личное участие в этой работе. Мы разделились на две бригады и помещались в двух домах, вернее, на сеновалах и помостах двух домов. Каждое утро, позавтракав, отправлялись в лес за два километра и брали себе задание напилить два кубм (кубометра) на пару пильщиков. В полдень нам приносили обед, который дежурные готовили в деревне. Правда, я не всё время был с ними, но приезжал на велосипеде дня на три каждую неделю.

Скучно бывает, когда после тяжёлого дневного труда нечем поразвлечься, не над чем от души посмеяться. Такие объекты для безобидного смеха у нас все-таки нашлись.

Остроумная насмешница завхоз Тихомирова, с природным умом и колкими замечаниями бухгалтер т. Орлова Елена Александровна и я с безобидным юмором — мы везде примечали смешное и весёлостью заражали остальных. Чаще всего объектом для смеха были у нас учительница т. Архипова Александра Ивановна, воспитательница т. Троицкая Ангелина Александровна и учительница Мурзина Елизавета Александровна. Маленькая, живая, «совкая» и очень худенькая, всезнайка т. Архипова и противоположная ей высокая, грузная и неповоротливая Троицкая, сдружившись, всё время были неразлучны и представляли полную противоположность друг другу. Обе они придумали нарядиться в деревню в хлопчатобумажные узкие, серые в полоску мужнины брюки, перетянуть тальи ремнями и надеть через плечи на узких ремешках планшеты или футляры от биноклей. В те времена было очень непривычно ещё видеть такие костюмы на женщинах, в особенности в возрасте под пятьдесят лет. Деревенские жители без стеснения смеялись прямо в глаза, мальчишки форменно бегали за этой парой, мы также не могли не смеяться, в особенности когда они, запинаясь за сучья, падали друг на друга. Мы их прозвали «Пат и Паташон», а Александру Ивановну Тихомирова называла «бедный Кролик».

Был у нас ещё один объект для смеха — это кастелянша Мария Ивановна Панас. Беспамятная путаница, она вызывала смех своей манерой говорить. Слова у ней вылетали со скоростью пулеметной очереди, причём с особой формой заикания, так что понять её всегда было очень трудно. И вот однажды и она начудила, будучи дежурной стряпухой.

Пришёл обеденный час, а дежурная с обедом не появлялась, прошло ещё два часа, а её всё нет. Все сильно оголодали и начали роптать на порядки. Пришлось послать человека в деревню. Вскоре посланец вернулся, сказав, что Мария Ивановна ушла с обедом более трёх часов назад. Теперь мы стали её разыскивать во всех направлениях. Наконец её обнаружили в полуверсте от нашей делянки, спокойно спящей. Она объяснила, что заблудилась, дошла до Никольского, потом вернулась, присела отдохнуть и задремала. Мы её даже не ругали, и холодные щи с голода оказались нам весьма вкусными.

* * *

Я не забывал школу и всемерно стремился к укреплению её материальной базы. Приходилось давать во временное пользование лошадей из числа выздоравливающих и подлежащих раздаче в колхозы, а также с целью материальной выгоды занял одно складское помеще-

ние в школе для неисправной упряжи, колёс, дуг и прочего конского снаряжения. Кстати, по ликвидации пункта всё это имущество осталось в школе.

* * *

Наконец наступила пора сбора урожая картофеля. Сверх ожидания, на школьном поле и на индивидуальных участках уродился небывалый урожай — сам 22. Отваливая прямо руками пласты дёрна, мы находили под ними белую, крупную картошку и в невероятно большом количестве. Проходящие Высоковским трактом люди, останавливались толпами и дивились невиданному урожаю при столь плохой обработке земли.

У нас получилась новая забота — мы не знали, куда убирать урожай.

Временно пришлось занять два класса в нижнем этаже и все кладовки.

* * *

Ещё забыл сказать, что с июля по ноябрь первого года войны часть комнат нижнего этажа занимали у нас штабы формирующихся дивизий. Они нам, в особенности в летние месяцы, не причиняли большого неудобства, а наши молодые сотрудницы, наоборот, даже были чересчур довольны, находя развлечение в знакомстве и «игре в любовь» с молодыми командирами (Шарникова Настя, Гусева, Тихомирова Л. К., Малышева Наташа и ещё некоторые другие).

Все эти увлечения были чересчур кратковременными и прекращались с уходом дивизий на фронт. Затянулась любовь у Насти и у Наташи, через 9 месяцев родившей дочь Надю, которая в настоящее время уже учителем, имеет семью и является утешением стареющей матери-одиночки. Настя же долго страдала от того, что её объект ст. лейтенант Мирошников нашёл свою семью вскоре после окончания войны и уехал в Белоруссию, а она, в отчаянии, вышла по сватовству замуж за разведенца, печника, безрукого инвалида и пьяницу Павла Рыбникова и в настоящее время имеет трёх взрослых дочерей.

* * *

К началу 1943 года, казалось, всё шло более или менее успешно как в моей семье, так и в школе. Но это только казалось.

В тишине была задумана подлая интрига со стороны моего заместителя Цветковой А. В., которая не нашла лучшего времени для осуществления своей мечты — стать руководителем школы. Она заявила Яроблоно, что я бросил работу в школе и добровольно переключился в военкомат. Не проверив на месте заявление Цветковой, зав. школьным сектором Облоно т. Медведев оформил приказ о назначении её директором школы, отстранив меня от работы, как призванного на

действительную военную службу. Узнав об этом, я тотчас же выехал в Ярославль и после долгих разговоров с зав. Облоно и Медведевым доказал неправильность их действий, а также обратил их внимание на недобросовестный поступок т. Цветковой.

Вместе со мной для проверки работы школы выехала в Кострому инспектор Облоно, кажется, Сочнева. Она на месте убедилась, что я ни одного дня не бросал школы, а, наоборот, прилагал большую заботу и много труда для её существования в тяжёлое, военное время. Инспектор долго наедине беседовала с Цветковой. О чём они говорили, я не знаю, но Анфиса Васильевна вышла из комнаты в слезах и после этого долго чувствовала себя «Иудой», избегала встреч наедине со мной и не могла прямо смотреть мне в глаза. Сотрудникам же она говорила, что её Облоно принудило к руководству школой против её желания.

Подлая душонка дочери торгаша-эксплуататора, щётчника Стригалева Василия Фёдоровича, постоянно прорывалась у Цветковой во всей её совместной работе со мной. Благодаря моему такту это не выходило наружу, и всем казалось, что мы работаем более чем дружно. После всех описанных мною её неблагоприятных поступков многого я не мог ей доверять, а всё поручаемое ей проверял только лично.

О дальнейшем в следующей главе.

Глава VII

Мой выезд на фронт. Рождение внука Леонида

К зиме 1942—1943 годов наша семья подошла без страха голодовки. Мы собрали очень большое количество картофеля, капусты и прочих овощей, а благодаря этому была полная возможность «пустить» в зиму несколько голов скота и птицы, а во вторую половину зимы быть всё время с мясом. У нас была корова, овца с двумя ягнятами, два поросёнка и куры. Поросят я купил на свиноферме Коряковского колхоза из числа скороспелой Брейтовской породы.

Наше благополучие как-то неприятным грузом ложилось на мою душу. Особенно при поголовной зависти недоедающих жильцов нашего двора, да и всех окружающих нас людей. В особенности тяжёлое материальное положение соседей Поляковых было для нас моральным упрёком. Владимир Георгиевич опять был мобилизован и выслан на передовую. Вера же Алексеевна билась, как рыба об лёд, одна воспитывая двоих сыновей, Володю и Славу. Я по этой причине предложил ей войти в половинный пай одного из поросят, на что она с восторгом согласилась, достав несколько мешков высевок с мельницы, уход же за животным мы заодно взяли на себя.

Как всегда бывает в жизни, в тяжёлые годы люди, мало обеспеченные, всегда льнут к тем, кто посостоятельнее или имеет какие-то материальные или служебные возможности. Так и у нас. Кто почти никогда к нам раньше не заходил, а в эти годы стал навещать нас почти ежедневно. К таким надо отнести Леонида Николаевича Токарева и Софию Николаевну Левашеву. Оба они были крайне истощены. Мы их кормили, чем могли, и после сбора нашего урожая много давали им различных овощей.

Плохо жили и Колгушкины, Наталья Васильевна и ее дочь Анна Ивановна с детьми, т. к. Николай Александрович Логинов следом за Турчинскими был арестован и выслан без права переписки. Им Надя носила частенько молока, свинины и овощей. Было и ещё много таких, кто «горел желанием засвидетельствовать нам своё почтение», но я что-то не могу припомнить их личности.

Тесть Сергей Михайлович после женитьбы Юры снова поступил на священнослужение, на этот раз в приход села Тетеринского Нерехтского района.

Осуществилось и заветное желание Володи Крылова о зачислении его в армию, как равноправного гражданина, а не трудополченца. Получив мобилизационную повестку и назначение в часть и, на радости, отпросившись в военкомате на несколько дней, он, купив пятилитровую бутылку «клушу» с 56% водкой, уехал для прощания с отцом. По слухам, там он «закатил» на три дня весёлую пирушку, которая натолкнула тестя «на грех», последствием которого он в возрасте 68 лет сделался отцом дочери Варвары, а Любовь Гавриловна Додонова, как мать ребенка, получила какие-то права над стариком, «во блуде согрешившем».

Второй же брат Нади, Виктор, служивший начинающим артистом в Ярославском гос. театре им. Волкова, был также призван в армию и вскоре, как специалист, был зачислен в агитбригаду, но ему в жизни не повезло: на Сталинградском фронте он заболел сыпным тифом и умер в госпитале в Балакове*. После него осталась жена Варя, ра-

---

* О семье Крыловых конца 1919 г. Л. А. Колгушкин пишет: «Семья Крыловых была многочисленная. У них, кроме Нади, была ещё старшая сестра Вера <...> братья Сергей, 19 лет, Владимир, 15 лет, и Виктор, 9 лет» (Кн. 6-я). Сергей умер двадцатилетним (там же). «Володю и Виктора в Красную армию не взяли как детей лишёнца-служителя культа. Это обстоятельство сильно удручало Владимира — здоровяка, спортсмена, гиревика, охотника и отличного стрелка. Он хотел служить во флоте. Через 10 лет его мечта неожиданно осуществилась — он не попал во флот, но в пехоте получил даже офицерское звание <...>» (Кн. 8-я).

ботавшая в костюмерной того же театра, и сын Игорь, которым мой отец считал своим долгом помогать.

* * *

Работа приёмно-сдаточного пункта к началу 1943 года была почти окончательно свёрнута. От всех работников там остались только Грушин и Чернов, которые несли обязанности сторожей оставшегося имущества, в том числе и трёх лошадей.

А в этом, страшном для некоторых людей, учреждении к 1943 году произошли также некоторые изменения. Неожиданно военком Майоров был переведён на ту же должность в г. Углич, а на его место получил назначение сотрудник горвоенкомата тов. Втулкин Иван Алексеевич, вместе с которым я ещё работал в годы гражданской войны в уездвоенкомате. Это был далеко не глупый, знающий военкоматскую работу мужчина в зрелом возрасте, но по своей натуре карьерист, не останавливающийся перед очернением людей, стоящих на его служебном пути. Так, он сумел освободиться от Майорова и сесть сам на его место. Он любил работу, был честолюбив, с работой всегда справлялся и с временем не считался никогда. Вот так в его натуре переплетались отрицательные и положительные черты, благодаря чему он везде и всюду был на хорошем счету у начальства, и где бы он ни работал — везде достигал вершин служебной лестницы.

Выбившись из писарей воинского начальника, он кончил Костромское землемерное училище, около двух лет заочно поучился в Московской мелиоративной академии, потом преподавал физику в средних школах и даже в школе слепых детей. Позднее перешёл преподавателем финансово-экономического техникума, где быстро стал его директором, откуда и был мобилизован. После того, как была свёрнута работа пункта, я все же не был забыт горвоенкоматом и очень часто привлекался для переучёта лошадей, а также для выполнения нарядов по мобилизации.

Оживилась работа в феврале 1943 года во время подготовки наступления на Курско-Орловской дуге. Мне было приказано сформировать два больших воинских состава, погрузить лошадей и фураж в железнодорожные вагоны и срочно выехать самому в качестве начальника обоих эшелонов. Наряд был дан одному эшелону до г. Ефремова, а моему до станции Валуйки.

Мы выехали вечером 5 марта 1943 года, рассчитывая вернуться домой через неделю, но так не получилось. Провожать наш эшелон приехали на вокзал горвоенком, подполковник тов. Видякин Григорий Иванович, начальник 1-ой части ст. лейтенант т. Лапин Николай Иванович, а также тут же оказался т. Сиушев Гумяр Абдулович.

Мы вчетвером вошли в дежурную комнату вокзала, Гумяр выставил на стол литровку водки, хлеб и какую-то закуску. На прощание все выпили по стакану, мне пожелали счастливого пути, скорого возвращения, и через 15 минут наш поезд покинул г. Кострому. Эшелон на Ефремов ушёл ещё накануне.

Хочется вкратце описать мое путешествие к фронту.

Наш товарный состав поезда шёл, не останавливаясь, до города Козьмодемьянска за г. Ярославлем, где сменилась бригада и паровоз брал воду.

После такой же остановки на станции Александров наш состав, объехав Москву, остановился на несколько часов на станции Лихоборы, где через военного коменданта мы получили паёк на 5 дней. Нам выдали колбасу, крупы, галеты, американскую консервированную колбасу, сахар, чай и, конечно, хлеб.

Уже в Лихоборах чувствовалось приближение фронта. С запада шли санитарные поезда с ранеными, воинские составы с побитой техникой, а также с эвакуируемыми людьми и имуществом. Раньше нас выпускали к фронту эшелоны с воинскими частями и новой военной техникой.

На другой день наш состав протолкнули до станции Бирюлёво, где нам пришлось простоять около трёх суток, т. к. «зелёную улицу» опять получили воинские составы с людьми, самолётами, «катюшами», танками, пушками, снарядами и прочими воинскими грузами. На этой станции мы произвели выводку лошадей и чистку вагонов. Поили лошадей на каждой длительной остановке.

На станции Ожерелье для нас снова сделали длительную остановку.

Здесь мы уже видели разбитые вокзальные здания, воронки от авиационных бомб и, вообще, следы бомбёжек и артиллерийских обстрелов. Везде были противотанковые рвы, заграждения, надолбы и прочее. На этой станции впервые нам удалось видеть немецкий самолёт-разведчик, называемый «рама». А эта была верная примета предстоящий бомбёжки железнодорожных путей, но на этот раз налёта не было. Всё же составы отвели на ночь на подъездные пути километра за четыре.

На этой станции получилась у нас первая неприятность — в одном из вагонов тяжело заболела лошадь. У неё начался озноб, пот, а потом, обессилев, она упала. Ветврач Рязановский определил у неё нервный шок. Требовались для неё полный покой и внутрь питьевая сода. В поезде создать этого мы, конечно, не могли. Пришлось лошадь сактировать и сдать в железнодорожный ветпункт. Из вагона же её вытаскивали по доскам в лежачем состоянии.

Надо сказать, что в каждом вагоне по обеим сторонам были оборудованы стойки по четыре лошади на каждой половине. В середине вагона было сложено прессованное сено, мешки с овсом, торбы, брезентовые водопойные вёдра, недоуздки, попоны и прочий необходимый инвентарь. В каждом вагоне находились один или два солдата. Для командного же состава была оборудована двухъярусными нарами теплушка с круглой времяянкой посередине.

Дровами для согревания и для приготовления пищи мы запасались диким способом на всех станциях, где находили что-либо горючее. Очень ловко удавались эти мероприятия завхозу т. Захарову Арсению Николаевичу, комвзводу т. Иванову Алексею Ивановичу и моему вестовому т. Короленко, позднее оказавшемуся большим трусом. Топили времянку все по очереди, в особенности в ночное время. Во все дни нашей поездки стояла ясная, солнечная, относительно тёплая погода днём с большими морозами ночью.

Я спал у стенки на верхних нарах. Мои ноги были согреты чёсанками с калошами, которые мне дал временно один солдат. Он вёз их своему брату в г. Ефремов. Ночью я покрывался шинелью, и от дыхания она к утру примерзала к стенкам вагона.

Самыми неприятными людьми в нашей теплушке были ветврач Рязановский и медсестра, фамилию которой я забыл. Первый был индивидуалист, скупой, плюшкинского типа, неряшливый, до болезни обидчивый и трусливый. Получаемый свой паёк долго измерял, просчитывал и далеко прятал от всех. Стряпал только для себя и ел в отдельном котелке где-нибудь в тёмном углу вагона. Когда же его приглашали к общей трапезе, он всегда вынимал свою ложку и охотно присаживался к котелкам.

Медсестра была лет двадцати, огненно-рыжая, весноватая, некрасивая, крайне неряшливая, чрезвычайно грубая, недисциплинированная и развращённая. Всю дорогу она приставала к молодым командирам и без всякого стеснения ночами услаждала их по очереди своими ласками. Видя это, я через несколько дней прогнал её в другой вагон к пожилому солдату т. Веселову. На обратном же пути она отстала от нас с молодым младшим лейтенантом и догнала нас только под Москвой.

На станции Узловая мы получили первое боевое крещение. В 17 часов появились разведчики-«рамы», а минут через 10—15-ть начали свои заходы бомбардировщики. Эта станция имела многие десятки запасных путей, заполненных воинскими составами. Ещё до завывания сирен и гудков, извещающих о начале налёта вражеских самолётов, большинство особо важных воинских составов было отведено

на подъездные пути. Нас поставили в лесок в километрах четырёх от станции.

При начале налётов в воздухе были повешены осветительные ракеты-«лампы», да и серп луны хорошо освещал местность. При подходе самолётов начинали бить наши зенитки, а прожекторы рыскали в тёмном небе, лоя в створ «стервятников». Красивое зрелище создавали разноцветные трассирующие пули, посылаемые навстречу налётчикам. При каждом заходе «мессеры» сбрасывали десятки бомб, в особенности зажигательных. Вскоре в нескольких местах начались пожары домов, железнодорожных складов и вагонов. Бомбёжка с перерывами шла всю ночь. При непосредственной опасности мы отходили шагов на 40 от эшелона и лежали в снегу. Один из самолётов, спикировав, дал пулемётную очередь по нашему составу, убив двух и ранив четырёх лошадей.

Наутро военный комендант станции дал мне распоряжение выслать моих людей на уборку трупов на станции и в железнодорожном посёлке. Человек тридцать солдат под моей командой несколько часов убрали трупы солдат, железнодорожных служащих, а также посторонних мужчин, женщин и детей. Мы заложили трупами полы и нары двух пакгаузов. Для лучшего опознавания убитых трупы мы складывали в один ряд.

Только за одну ночь сколько было разбито жилых и служебных зданий, пакгаузов, исковерканных, перекрученных рельсов и шпал. Кругом появились глубокие воронки, а на снегу пепел и пятна крови.

При начале тревоги Рязановский и Короленко залезли под нижние нары и никак не хотели вылезать оттуда. Кроме того, с Короленко произошёл нервный припадок: он побледнел, затрясся, навзрыд зарыдал, а потом завыл по-звериному. Он успокаивался только в интервалы между налётами. Медсестра оказывала ему помощь, вплоть до уколов.

В дальнейшем по нашему пути все станционные постройки были разбиты и превращены в груды кирпичей. Служебные помещения были в вагонах-теплушках.

В Ефремове нас снова бомбили, но без ущерба.

В конце концов, наш состав протолкнули до полустанка Телегино, не доезжая четырёх километров до г. Ельца, где в то время стоял штаб тыла Центрального фронта. Комендант станции Елец сообщил, что до места назначения Валуйки не доехать и железнодорожный состав дальше не пойдёт. Необходимо выгружаться на полустанке Телегино.

Я боялся рискнуть на выгрузку и пошёл в штаб тыла фронта в г. Елец прямо к командующему генерал-майору тов. Карманову, на

котором впервые увидел вновь введённую форму с лампасами и золотистыми погонами. Изложив обстановку, я доложил, что конское поголовье не имеет фуража, а военкомат на него не выдал аттестата, обеспечив натурой на 10 дней, а эшелон в пути уже 20 дней.

Генерал, по укorenившейся в то время в армии привычке, смачно выругался площадной бранью, обращённой в пространство, вызвал к себе начснаба, подполковника с оригинальной фамилией Ворона, и приказал ему обеспечить конский состав фуражом, выписать 20 штук дровней с парной упряжкой, а весь конский состав и людей расквартировать в верхней и нижней Александровских слободах, в четырёх километрах от г. Ельца. Генерал в этот момент ничего не мог сказать, кому сдать конское поголовье, а предложил зайти к нему дня через два, которые растянулись на шесть дней. Я же ежедневно, как на службу, к 9 часам являлся в штаб и дежурил там до начала бомбёжки, которая аккуратно начиналась около 5 часов вечера.

Явившись к военному коменданту слободы Александровской, до отказа занятой воинскими подразделениями, я застал его за приятной беседой с каким-то майором и капитаном, сидящими за круглым столом, на котором в хаотическом беспорядке стояли стаканы, жестянки с консервированной тушёнкой, варёные яйца и посередине возвышалась четверть самогона. Только я успел представиться, как комендант налил мне стакан самогона, подвинул банку с тушёнкой, хлеб и разбил о стол яйцо. Все подняли стаканы и выпили залпом очень крепкий и приятный на вкус перегон.

Вскоре мы вдвоём с комендантом на автомашине поехали по слободе осматривать колхозные помещения. Слобода растянулась по двум буграм, разделённым оврагом на верхнюю и нижнюю километров на пять. Для лошадей мы нашли в разных местах конюшни, но для размещения людей было много труднее — везде были солдаты. Всё же нашли четыре или пять халуп. Везде была грязь, вши и хозяева с суровыми, недовольными лицами.

Пока мы ездили по слободе, посланный комендантом вестовой привёл со станции Телегино первую партию лошадей, а к вечеру мы перебазировали весь состав. В пути мы потеряли трёх солдат, из которых двое были убиты при бомбежке и один ночью попал на станции Узловой под маневренный состав. Из лошадей — три погибли при бомбежке, пять от нервного шока и одна сбежала в слободе Александровской. Было подозрение, что эту лошадь продали частникам командире, расквартированные во второй части слободы, но доказать этого не удалось.

Однажды в штабе я застал огромный переполох — ждали прибытия командующего фронтом т. Рокоссовского. Все были на ногах, и штаб собирался передислоцироваться поближе к передовой.

Часов в 12 дня приехал т. Рокоссовский, и почти в то же время мне было дано указание подготовить конское поголовье к отправке гужом до г. Ливны.

Для приёма партии нам выделили начальника ветлазарета, подполковника ветеринарной службы, фамилию которого я забыл.

Ещё в городе Ельце мы попали под бомбёжку на мосту через реку Сосну. Пришлось ложиться. Осколком бомбы моему комвзводу т. Иванову А. И. разорвало вещевой мешок, а мне, должно быть камешком, царапнуло шею.

Для сопровождения лошадей до конечного пункта я выделил 20 человек солдат и одного командира взвода. С лёгким сердцем все оставшиеся пошли на станцию Телегино, чтобы ехать домой. На наше горе, выхода поездов в сторону Москвы не предвиделось. Не желая лишний раз подвергаться бомбёжке, мы решили идти 20 километров пешком до станции Становой.

А под Ельцом в течение 8 дней мы поневоле привыкли к бомбёжке, но всё же удовольствия было мало. Все эти дни нас смешил и возмущал Рязановский. Он брал котелок с кашей, тепло одевался и уходил в овраг, где и пережидал налёты. Каждый раз он страдал обострением «медвежьей болезни», благодаря чему издавал невыносимый запах. Короленко за время бомбёжки привык и вёл себя вполне нормально.

К вечеру мы дошли до Становой.

Переночевав в железнодорожном посёлке, мы кое-как разместились на открытой платформе товарного порожняка, но, проехав километров 50—60, все сильно озябли и на ближайшей остановке пересели в теплушки другого порожняка, но и тут не повезло. Вскоре наши вагоны отцепили и загнали в тупик. Переночевав в тупике, утром мы подыскали теплушки и в них доехали до станции Узловой, где, к нашему великому удивлению, мы увидели «настоящий» пассажирский поезд, да при этом почти пустой. Мы, разместив солдат в общий вагон, сами взяли плацкарты и даже постельное бельё.

Вот тут-то мы, не слыша кусающих нас полчищ вшей, почти до самой Москвы спали как убитые. За месяц пути все мы, валяясь по халупам и теплушкам, не имея возможности помыться в бане, накопили такое количество вшей, что они буквально заняли все свободные места в петлях наших шерстяных джемперов и пуловерах.

На Ярославском вокзале в Москве мы легко и даже без пропуска ника получили койки в комнатах отдыха с чистым бельём и горячим кипятком. Ночевав в ожидании Костромского поезда ночь, мы, вероятно, наградили комнату отдыха огромным количеством фронтовых, откормленных вшей.

С пересадкой на Всполье г. Ярославля мы благополучно добрались до Костромы.

Меня встретил на вокзале Чернов, подвёз на саночках домой, а оттуда, взяв бельё, после горячей встречи на том же транспорте я поехал в баню на Сенную площадь. Выпарившись, приехал домой к праздничному столу. Пока я парился, Чернов купил за 900 руб. литр водки, да дома было подкоплено больше этого.

Мы так все кутнули, что я на радостях очнулся только на второй день. Сходил в горвоенкомат, где меня уже считали погибшим и не ожидали. Им кто-то сообщил, что наш эшелон разбомбили и почти все мы погибли под г. Ельцом.

* * *

Дома и в школе всё было благополучно, как может быть благополучно в горячее, военное время, когда вся жизнь ежеминутно меняется, как в калейдоскопе.

В школе все так же были удивлены при моём появлении – им тоже было известно о моей гибели на фронте. Все поздравляли с благополучным возвращением.

Несколько месяцев горвоенкомат почти меня не вызывал, за исключением однодневных поверочных осмотров лошадей и небольших мобилизаций.

Мне предстояло в этом году стать дедом. Тислима ожидала ребёнка в июне месяце и уже собиралась в «декрет», но вечером 13 апреля она вдруг почувствовала родовые схватки, а перед этим дня за два она поскользнулась на Муравьёвке с ведрами барды.

Юра срочно отвел её в родильный дом на ул. Луначарского (проспект Мира). Пришлось вести пешком, т. к. в те годы такси или извозчиков не было. Утром 14 апреля родился семимесячный недоношенный ребенок. Но что это было за существо! Он весил всего 1 килограмм 700 граммов, длина тельца была немногим больше столового ножа. Кричал же он низким, басистым голосом, как и подобает будущему мужчине.

Я с большим нетерпением ожидал встречи со своим внучком и, ещё не видя, страстно его полюбил. На второй день в роддоме нам преподнесли большое огорчение – новорождённый не мог брать материнской груди, а накормленный через сосок, отрыгал пищу, синел, и у него возникали судороги. Нам всем хотелось, чтобы Тислиму бы-

стрее выписали из больницы, т. к. мы были уверены, что в домашней обстановке мы вернее спасём ребёнка, нуждающегося в постоянном индивидуальном уходе. Конечно, это было действительно так.

Через неделю Тислиму выписали, и я впервые увидел своего внука. Это была маленькая, черноголовая, красненькая и очень худенькая куколка. Вся кожица на ребёнке была в глубоких морщинах, ушки имели заострённую форму, как у ослика, а ногти на руках и ногах только начинали нарастать. Прежде чем заплакать, он так забавно морщился, как будто бы попробовал чего-нибудь чересчур кислого. Мы сделали для такого слабого ребёнка специальный «инкубатор» в большой корзине, куда уложили подушки и грелки, а сверху закрыли пологом. Кормили «наследника» материнским молоком, но через «накладку», т. е. через очень маленький сосочек. Всё же у ребёнка сразу после кормления получался припадок с отрыжкой всей пищи. Он начинал дрожать как в ознобе, синеть, часто дышать, и его конечности сводили судороги. Врачи нам рекомендовали в этот момент делать ребёнку ванны с температурой 40 градусов, и в первое время приходилось делать столь горячие ванны по 4–5 раз в сутки. Приходилось для дыхания давать кислород. С каждым днем ребёнок креп, рос и через несколько дней стал открывать глазки, сперва в виде щёлок.

Мы несколько раз приглашали к нему детского врача Постникова Бориса Ивановича, и он уверял нас, что ребёнок будет жить и даже перерастёт своих сверстников, что он и сделал через три месяца.

Мы решили своего первенца назвать в честь деда Леонидом.

Через месяц «инкубатор» уже не потребовался; ребёнок дышал нормально, питался больше, чем нужно, и даже начинал «гулить». Но в это время произошла настоящая метаморфоза с Тислимой. Её характер изменился до неузнаваемости. Она стала капризна, требовательна, очень дерзка с Надей, которую даже возненавидела. Со мной также была груба, а Юре ежедневно устраивала сцены ревности. Наша до этого времени дружная семья стала разваливаться.

Кроме всех отрицательных черт в поведении Тислимы появились ещё и новые, видимо, дремавшие где-то в подсознании, как навеянные воспитанием в патриархально-замкнутой, некультурной семье. У неё возникли какие-то суеверные представления о сверхъестественных силах, колдовствах, привораживаниях, «напусканиях» и прочее. Так, в куче сора, оставленного у двери, она увидела «нащёптывания», случайно уроненный на полу носовой платок или монету не поднимала и не давала поднимать Юре, говоря, что это заморожено. Вечером никому не велела приметать пол и мыть посуду после вечернего чая, т. к. «ангел уже пролетел и задел крылышком». Ей казалось, что все вооружены против неё и строят ей различные козни.

Однажды, когда Надя подошла к постельке ребёнка, она сделала дикое лицо и неестественно закричала: «Не трогай моего ребенка, колдунья, уйди из комнаты!» Это поразило Надю, т. к. проявилась форменная ненормальность, и так случалось с ней часто. Она жила в каком-то абстрактном мире, зачарованная суевериями, приметами, гаданиями, прежними предсказаниями цыганок и старых татарок, она жила в мире грёз и фантастического представления природы. Мы с Надей свободно вздыхали, если она уходила к родителям в Татарскую слободу или куда-нибудь гулять с Юрой. Мы находили настоящий отдых, нянчась со своим внучком.

* * *

Много времени у меня отнимала работа в школе: надо было в таких трудных условиях военного времени при всевозможных ограничениях кормить, одевать и воспитывать полторы сотни почти взрослых воспитанников. В этом году мы готовились провести первый выпуск учащихся, окончивших среднее образование в условиях специальной школы для слепых детей. Это был первый случай во всей мировой истории педагогики.

В то время ещё не были введены аттестаты зрелости и медали, присуждаемые за отличную успеваемость, но наши воспитанники и без этих поощрений старались учиться на «хорошо» и «отлично» для того, чтобы попасть в ВУЗы. Из 9 человек, оканчивающих в этом году среднюю школу, все имели хорошие и отличные оценки, а Коля Цветков окончил школу на круглые пятёрки.

Лето, как и в прошлые военные годы, проходило в работе на школьном подсобном хозяйстве и на личных огородах. Юра через райзо получил 5 га пахотной истощённой земли, и кое-как удобрив минеральными солями, мы посадили картофель под конный плуг. Сотрудники школы опять заготавливали в лесу топливо. Все уже забыли, как отдыхать летом.

В труде и заботах время летело быстро, но всем хотелось, чтобы оно бежало ещё быстрее, стремясь к тому, чтобы быстрее подойти к мирной жизни без всех ужасов военных лет.

Глава VIII

Последние военные годы и окончание войны.

Моё вступление в партию ВКП(б).

Пожар в нашем доме

В конце 1943 года военная обстановка на наших фронтах складывалась в нашу пользу, и уже все стали подумывать о предстоящей победе над немецкими полчищами и об оконча-

нии войны. Поражение «непобедимой» немецкой армии под Москвой, окружение и пленение отборных дивизий под Сталинградом и, наконец, разгром немцев на Орлово-Курской дуге — всё говорило о наших успехах. Наш народ ждал тех дней, когда военные действия будут перенесены на вражескую территорию. Это время уже приближалось, но враг ещё отчаянно сопротивлялся. К тому времени среди наших родственников и знакомых произошли многие перемены.

Володя Крылов, окончив ускоренный курс Полоцкого военного училища, в звании лейтенанта был направлен под Сталинград, где, одновременно получив шесть ранений и контузию, отлежав в госпитале несколько месяцев, получил ограничение в пригодности к военной службе из-за ранения в позвоночник и в звании старшего лейтенанта был прикреплен к полевому госпиталю в качестве инструктора лечебной физкультуры.

Его брат Виктор, как я уже писал, к этому времени умер.

Тесть Сергей Михайлович переехал в приход села Любовникова Костромского района.

Из наших знакомых в 1943—1944 году умерли Карл Моргенфельд и Фридрих Ладе, причём оба скоропостижно и ещё не в старом возрасте.

Меня же горвоенкомат только один раз посылал начальником эшелона призывников до города Кирова, да и то в Ярославле эшелон переформировали, и я вернулся домой, и с тех пор военкомат меня больше никуда не посылал, только лишь раза три — четыре в месяц вызывал для какой-нибудь небольшой работы по мобилизационной части.

Осенью 1943 года, как и в прошедший год, мы опять собрали на своих участках большое количество картофеля, капусты и различных овощей, так что были опять в состоянии растить и откармливать для своего питания животных. Корову Юре пришлось сдать в колхоз, но я купил снова двух поросят, а Юре удалось приобрести в собственность из числа выбракованных очень немолодую немецкую лошадь, по кличке «Грусть», с тавром Тракененского конного завода Восточной Пруссии. Это было в начале 1945 года. На ней он больше года разъезжал по району, а потом отдал её в конно-спортивную школу. Надя продолжала работать в госпитале, Тислима же была дома с ребёнком.

Лёля рос здоровым, весёлым, спокойным и некапризным ребёнком. Его личико с каждым месяцем становилось всё привлекательнее, но из черноголового он превращался в блондина. Мира между

его молодыми родителями всё так и не было. Они вели себя нисколько не лучше подростков переходного возраста.

Мы с Надей уже свыклись с ненормальным отношением к нам Тислимы, но нас крайне волновало их взаимоотношение. Казалось, они оба ранним утром проснулись хорошо отдохнувшие за ночь и в самом благодушном настроении, полушёпотом ведут приятный разговор между собой, посмеиваются, заигрывают друг с другом; потом вдруг совершенно неожиданно который-нибудь один из них взрывается, начинает говорить в повышенном тоне, второй отвечает уже громкой бранью, и тут начинается потасовка. Слышны пощёчины, шлепки, зуботычины, площадная брань, слёзы Тислимы с причитаниями, время от времени кидание друг в друга книгами, посудой и различными вещами. Толкают стулья, столы, иногда вещами разбивались оконные стекла. Ребёнок, когда стал слышать, всегда с плачем и вздрагиванием просыпался, что, в конце концов, и привело к его заиканию.

Такие размолвки, как правило, долго не продолжались. Через час-два они снова мирно разговаривали. Юра уходил на работу, а Тислима ликвидировала произведённый погром. И так было почти каждый день. Мы стали жить, как на вулкане, каждый день гадали, в каком настроении проснутся наши «молодые» и как они проведут наступающий день. Всё их поведение было похоже на выходы садистов.

Иногда было очень трудно удержаться, чтобы не ввязаться в их ссору, когда инцидент принимал чересчур угрожающую форму, если Юра брал в руки заряженное ружьё или нагайку, а Тислима хватала бритву или пузырёк с уксусной эссенцией. Вступившись их разнимать и успокаивать, оба мы оказывались виноватыми, а «молодые», помирившись, отказывались от питания за общим столом, не разговаривали с нами, а проходя мимо, отворачивались.

Такой кошмар длился больше года. Я только и отдыхал в школе, и так было тяжело идти вечером домой. Наде же после работы утешением был внучек, который крепко к ней привязался и полюбил её больше матери.

В эту осень я очень надсадился, перевоза на велосипеде по 2 мешка картофеля с Васильевского поля. Мы с Юрой на двух велосипедах возили картофель, укладывая на каждый один мешок поверх рамы, а другой под него на pedalное колесо. Около шести километров вели велосипеды за рули, и особенно тяжело было спускаться с Татарской горы. Велосипеды рвались вперёд, а нам приходилось напрягать все силы, чтобы их удерживать. После этого я долго болел радикулитом и ишиасом, а потом у меня появилась пупочная грыжа.

Хочется написать о жизни моих сестёр в эти военные годы.

Старшая сестра Женя, с тех пор как написала письмо, отказавшись считать меня своим родственником, продолжала молчать*. Её муж, Николаев Сергей Петрович, задолго до войны заболел какой-то тяжёлой формой мозгового заболевания, которое привело его к полной инвалидности. Он временами даже не мог самостоятельно подниматься с кровати, и Женя всё время поднимала его на своей шее, что, в конце концов, привело к искривлению её позвоночника почти под прямым углом. Они все годы жили в г. Симферополе, а потому почти три года находились в оккупации, сильно бедствовали, и Женя даже ходила собирать милостыню.

Николаева, как известного коммуниста и бывшего прокурора, жильцы дома спрятали в подвал, но потом один из жильцов, поступивший в полицию (может быть, он был из подпольной организации),

---

* После увольнения — по доносу соседей Королёвых — из милиции в 1928 г. Л. А. Колгушкин не мог найти работу в Костроме и, как он пишет в своих воспоминаниях, «имел неосторожность обратиться с просьбой о помощи (к сестре Жене. — А.С.) выйти из такого тяжёлого материального положения путём устройства меня на работу где-нибудь на территории тогдашней Крымской АССР, где в то время Сергей Петрович занимал должность Республиканского прокурора» (Кн. 7-я). «Под диктовку своего обожаемого супруга она написала мне такое письмо, которое невозможно забыть до самой смерти» (там же). Письмо пропало во время пожара в доме в 1945 г., вот оно в пересказе по памяти Л. А. Колгушкина:

«Леонид! Нас очень удивило твоё обращение за содействием и помощью к Сергею Петровичу. Ты ведь знаешь его отношение ко всему нашему семейству и, в частности, к тебе. Ты отлично знаешь, что фамилия Колгушкиных слишком известна в г. Костроме с отрицательной стороны; отец был домовладелец, вы с братом белые офицеры, а Володя расстрелян, да и жена у тебя из поповского рода. В Костроме тебе никак не устроиться на приличную работу. Постарайся как можно скорее уехать куда-нибудь подальше. Мы же ничего не можем для тебя сделать и очень просим, чтобы не наводить тени на Сергея Петровича, прекратить всякую переписку с нами и забыть, что у тебя есть родственники в Симферополе. Женя» (Кн. 7-я). Отец Николаева «был лавочником Кашинской фабрики, и он боялся всякого общения с непролетарскими людьми», — пишет далее автор воспоминаний (там же).

заверил всех, что его никто не выдаст и он может спокойно жить в своей квартире как психобольной.

Муж Лизы Николай Ефимович всю войну был на фронте, дослужился до звания подполковника, освобождал со своей частью Северный Кавказ и Крым. Он первый навестил Николаевых и зафиксировал их бедственное положение и, чем мог, оказал им материальную помощь. Лизе же, при подходе немцев к Ростову, удалось своевременно эвакуироваться на родину мужа в г. Миасс. Там ей посчастливилось устроиться машинисткой и регистраторшей в эвакугоспиталь, руководил которым наш общий знакомый доктор Доброхотов К. А. Когда же Ростов был освобождён от оккупантов, Лиза с дочерью Нелей, которой было уже 15–16 лет, поспешила вернуться к своему дому, а на третий день Ростов снова был в руках немцев. Ей пришлось устраиваться на работу дворником в какое-то домоуправление, иначе её могли бы выслать в Германию. Нелю же всё время приходилось прятать от трудмобилизации. Обо всем этом я узнал из Лизиных писем, а позднее — при личном свидании с обеими сёстрами.

Приблизительно в то же время я узнал, что наш бывший учитель Шатов Леонид Трофимович был убит под Моздоком, где он воевал в должности полкового комиссара. Его же бывшая жена Елена Ивановна Лапина весной 1944 года вдруг надумала уйти с работы в школе и уехать со своим малолетним племянником Вадимом, которого она воспитывала с детства, к его матери Серафиме Ивановне Рубцовой на Украину, где она служила по мобилизации в железнодорожной бригаде. Мне очень не хотелось отпускать Лапину из школы, т. к. в её лице я видел растущего ценного работника специальной школы, но задерживать её я не имел права.

* * *

В середине 1944 года Кострома стала областным центром*. Обком ВКП(б) и Облсполком заняли большое каменное здание на улице Дзержинского, д. № 17, выведя оттуда госпиталь в соседнее здание (ныне технологический институт).

Облоно на первое время было помещено в нескольких убогих комнатах большого дома на улице Симановского (дом № 24). Зав. Облоно была назначена учительница г. Орехово-Зуева Ольга Ивановна Алёшина, а её помощниками — бывший председатель горисполкома г. Буя Полянский Василий Дмитриевич и Сизов Павел

---

* Постановление Президиума Верховного Совета СССР об образовании Костромской области было принято 13 августа 1944 года.

Васильевич. Инспекторами были назначены т.т. Москалёв, Афонасова Васса Ивановна, Павлова, Румянцева и ряд других.

Наша школа перешла в непосредственное подчинение областного отдела народного образования, и с этого времени, естественно, отпала необходимость трудных, частых поездок в г. Ярославль. Новое руководство почему-то особенно расположилось к нашей школе. Тов. Алёшина со своими сотрудниками стала нередкой нашей гостьей в простые, рабочие дни, а в табельные*, торжественные, была всегда в числе почётных приглашённых.

* * *

После неприятного инцидента с Елизаветой Николаевной Толкуновой, которая к 1944 году досрочно освободилась из заключения и устроилась воспитательницей в лесную школу на «Козловы горы», с нашей школой очень сблизился секретарь парторганизации и зам. зав. Горно тов. Тарасов. Он полюбил нашу школу и часто за просто заходил ко мне в кабинет. Как-то в разговоре он намекнул, что большим недостатком школы является полное отсутствие партийной прослойки, и просил назвать достойных приёма в партию. Я, помню, кого-то назвал, а он на это сказал, что с большим удовольствием дал бы мне свою рекомендацию. Как раз в то время моей заветной мечтой было оформиться в партии, но моя скромность и самолюбие, после отказа в этом во время моей работы в органах милиции**, не позволяли подать такое заявление, т. к. я боялся снова получить отказ по тем же мотивам. Быть же постоянной подпоркой тем, которые по своему развитию, грамотности и даже убеждённости стояли гораздо ниже меня, мне уже надоело. Я чувствовал, что мои истинные убеждения достойны звания члена Коммунистической партии. Кроме того, беспартийному руководителю специального детского учреждения было весьма трудно. Парторганизация как никогда была нужна для школы, и эту задачу я ставил перед собой, в первую очередь.

Я стал подыскивать членов партии, которые могли бы меня рекомендовать. Кроме т. Тарасова, мне надо было найти ещё двоих. Это я сделал быстро, попросив зав. горно т. Соколову А. В. и председателя нашего союза т. Бушковскую. Первичная парторганизация при Горно единогласно приняла меня кандидатом в члены ВКП(б) в апреле месяце 1945 года.

---

* Здесь: дни официальных государственных праздников.

** В милиции Л. А. Колгушкин служил с октября 1924 по октябрь 1928 г. (Кн. 7-я).

И вот дня через три, после предварительного собеседования с каким-то ответственным работником Свердловского райкома, я предстал на бюро в полной уверенности, что решение первичной парторганизации будет утверждено. На деле же получилось не так.

После того, как т. Тарасов В. Н. осветил анкетные данные, взял слово первый секретарь райкома т. Хазанов, который весьма скромно сообщил бюро, что от моего приёма в партию временно придётся воздержаться, т. к. в обкоме партии имеются порочащие меня анонимные сигналы. Поражённый таким заявлением, я в удручённом состоянии вышел из райкома партии, и в моём сознании воскресли тяжёлые воспоминания 1927 года, когда я перенёс отказ от приёма в партию за мои невольные «прегрешения», как то: за то, что я образованный интеллигент, бывший царский офицер, сын домовладельца и женат на дочери служителя культа. Я решил больше о себе не напоминать райкому партии и с нетерпением ожидал расследования по сигналам.

Вскоре, действительно, явилась в школу эта комиссия с представителями обкома и райкома партии под председательством инспектора облоно т. Афонасовой Вассы Ивановны, которая сообщила, что на меня поступил анонимный донос о том, что я чувствую себя в школе, как вельможа в своей вотчине, не считаюсь с месткомом и комсомольской организацией, скрыл своё социальное происхождение и являюсь сыном кабатчика, имевшего трактир на реке Шаче, где у меня проживает оставленная мною семья, и я плачу ей алименты на детей, а сам наслаждаюсь в городе с молодой женой. В школе дошло до того, что бухгалтер т. Орлова Елена Александровна заразил венерической болезнью шестнадцать старших воспитанников, и ещё множество небылиц было написано в этом малограмотном послании.

У меня отлегло от души — уж настолько всё было неправдоподобно, и я откровенно расхохотался. Когда же я представил комиссии пятидесятилетнюю «развратницу и заразительницу» Орлову, то со мной вместе хохотали и все члены комиссии. Всё остальное я тут же доказал подлинными документами.

Через неделю я снова был вызван на бюро райкома, где меня безоговорочно приняли кандидатом партии. Это был незабывасмо радостный день в моей жизни — с меня свалился висевший на мне груз прошлого, большую часть моей жизни отягчавший моё сознание, парализующий инициативу и связывающий мне руки для принятия смелых решений.

Я полагал, что после вступления в партию мне будет легче работать, но кое-кто думал обратное. С этого года участились доносы на меня и ближайших помощников, исключая завхоза, Тихомирову Е. В. По форме их изложения и по содержанию анонимных доносов клеветников можно было разделить на две группы, так много позднее и оказалось, но об этом будет написано в будущем.

* * *

Вернусь к жизни нашей семьи.

Ссоры между молодой четой продолжались с переменным успехом. Тислима вместе с ребёнком частенько стала уходить к своим родным в слободу. В 1944 году умер её отец Рафик Исхакович, проболев всего дня четыре. Виной его смерти всё же были их суеверия. Как-то под вечер он пошёл на своё кладбище и, встав на колени, стал читать молитву на могиле своего друга. Вдруг ему показалось, что какой-то чёрный козлёнок подошёл к нему сзади и поставил свои ноги ему на плечи. Он очень испугался и, придя домой, сказал своей жене: «Это приходила смерть ко мне». Он стал тосковать и дня через два слёг. Прележав в постели дня три, скончался. По их закону, его похоронили в тот же день, так что Юра и не успел проститься, т. к. был в командировке по району.

Незадолго перед смертью Рафика Исхаковича у него получилась большая неприятность с милицией. До войны у них снимала комнату парикмахерша, немка, у которой было большое количество весьма ценных вещей, в основном заграничных, и была чистопородная собака такса, по кличке «Мики». Это был избалованный, пожилой кобелёк, которого его хозяйка всегда на ночь брала на свою постель, а днем кормила изысканной пищей, вплоть до ветчины, гоголя-моголя, желе и прочее.

В самом начале войны немку арестовали. Она оказалась крупной шпионкой. Вещи опечатали и сдали на хранение хозяевам Космасовым, а собаку «Мики» Тислима взяла к нам, где она и жила несколько лет до своей смерти. Зимой 1944 года через открытое окно воры выкрали всё ценное из вещей немки, а чемоданы разбросали по берегу Чёрной речки. Милиция обвинила Рафика в симуляции кражи и пыталась привлечь к уголовной ответственности, но улики были недостаточны.

Космасовы очень недружно жили с соседями, которые везде и всюду в хищении вещей обвиняли их. Все эти неприятности и ускорили его смерть.

Неприятности между Тислимой и Юрой происходили из ревности. Не могу сказать, были ли к тому серьёзные основания, но она всег-

да указывала на определённые личности, за которыми Юра усиленно ухаживал и с которыми ей изменял. Одна из них была бывшая техническая работница школы слепых детей Соколова Катя, проживавшая во флигеле во дворе нашего дома, и вторая – официантка ресторана «Волга» Алякринская Маша. Обе они были молодые вдовы и весьма недурны собой. Тислима постоянно выслеживала Юру, а потом устраивала ему сцены ревности.

Однажды зимним вечером Юра куда-то ушёл. Она почему-то решила, что он во флигеле у Соколовой. Никому ничего не говоря, в сильно возбуждённом состоянии, она, взяв полено, выбежала во двор и выбила насквозь все стёкла в квартире Соколовой, а Юры-то там не оказалось. Наутро ему пришлось возмещать ущерб, нанесённый его супругой. Дело дошло до того, что Соколова вынуждена была обменяться своей квартирой с Катковой Антониной Александровной и выехать на Советскую улицу.

Однажды Тислима, как обычно, ушла с ребёнком в родительский дом, да и осталась там, и только на третий день пришла за какими-то своими вещами. Юра казался весьма спокойным, но Надя очень скулчала о Лёличке и всё время плакала, уверяя, что там его могут простудить и он может заболеть. Через несколько дней мы узнали, что Тислима с матерью и Лёличкой уехала на пароходе на родину матери в Тетюши. Это случилось вскоре после окончания войны.

Через некоторое время, как только Тислима вернулась, Юра согласился переехать к ней в Татарскую слободу, и у нас на некоторое время воцарился полный порядок.

И вот наступил радостный день 9-го Мая. Рано утром радио сообщило долгожданную весть о безоговорочной капитуляции Германии. «Наше дело правое – мы победили!» Рано утром, когда мы ещё не успели встать с постели, под нашим окном появилась Антонина Ивановна Троицкая – пьянее вина и с непечатым пол-литром. Надо сказать, что они с Надей всю жизнь были весьма близкие подруги, но несколько лет тому назад Тоня приревновала к Наде своего мужа Петра Афанасьевича Грустливого, и они разошлись. А тут всё было забыто. Хорошо, что это было воскресенье, пришла Лидия Ивановна Лясыч* и ещё кто-то, и мы радостно отметили день Победы, экспромтом собрав праздничный стол.

---

* Урождённая Троицкая – сестра А. И. Троицкой; вторая жена организатора комсомола в Костроме и первого председателя Костромского горкома комсомола Алексея Ивановича Лясыча (Лясыча) (наст. фамилия Лясков; 1896, Мисково Костромского

Во всем городе, как и во всей стране, было праздничное ликование. Не было ни одного человека, кто бы оставался равнодушным в эти торжественные, праздничные дни.

На четвертый день вернулся из госпиталя наш сосед Владимир Георгиевич Поляков, и мы устроили ему также подобающую встречу.

В сентябре месяце в Манчжурии была разбита знаменитая Квантунская армия японцев; американцы, с благословения президента Трумена, сбросив на Хиросиму и Нагасаки по ужасной атомной бомбе, вынудили Японию к безоговорочной капитуляции.

Война была окончена, наши защитники постепенно возвращались к своим семьям, но многие не досчитались своих отцов, сыновей и мужей, продолжая оплакивать их преждевременную смерть.

Кровавая война была окончена, началась стадия дипломатических переговоров, вылившихся, в конце концов, в форму «холодной войны» между бывшими союзниками.

* * *

Все мы готовы были спокойно начать первую послевоенную зиму.

Мы с Надей жили вдвоём, а Юра со своей семьёй уютно устроился в Татарской слободе в доме Космасовых, как раз в той комнате, где жила немецкая шпионка. Они каждое воскресенье приходили к нам и всегда были желанными гостями. Надя всё время забавляла Лёличку и ласкала его больше родного сына. Только очень расстраивалась, что он начал сильно заикаться. Тислима же была всегда с нами суха

уезда — 1938). О ней Л. А. Колгушкин писал: «Близкая подруга Нади Лида Лясыч, став женой директора завода «Рабочий металлист», позазналась и дружбу превратила лишь в шапочное знакомство <...>» (книга 8-я). Так было во 2-й половине 1920-х годов. Наступил 1937 год: «В том же году приехала в Кострому жена бывшего директора Воронежского металлургического (правильно: машиностроительного. — А.С.) завода Лидия Ивановна Лясыч с сыном Васей, так как её муж Алексей Иванович также оказался «врагом народа».

Все отвернулись от несчастной жены и матери. Даже родная сестра Антонина вначале не хотела пускать её в родительскую квартиру и с большим трудом уступила ей прихожую, где она устроилась со своим маленьким сыном.

Близкие знакомые не хотели узнавать Лидию Ивановну и боялись с ней здороваться, и только мы с Надей высказывали ей искреннее сожаление <так!>, принимали её у себя и даже заходили в её уголок на Горной улице» (там же).

и часто окидывала нас злобными взглядами, обнажающими затаённую неприязнь, в особенности к своей свекрови.

Совершенно неожиданно постигло нас большое несчастье.

В воскресенье 9 декабря стояла тихая, сильно морозная погода. Уже выпал неглубокий снег. Было солнечно. Мы с Надеей с утра наделали много любимых наших пельменей. К завтраку пришли наши молодые. Мы ели пельмени и немного выпили. Они ушли около 4-х часов, а мы, пообедав, занялись каждый своим делом: я взял какую-то книгу, а Надя села за машинку с каким-то шитьём. Часов около восьми вечера мы услышали стук множества ног на парадной лестнице и крики. Я сказал Наде: «Должно быть, вверху грандиозный скандал». Это у нас нередко бывало, особенно в праздничные дни. Но тут мы услышали страшное слово «пожар».

Выбежав на парадную лестницу, мы узнали, что вверху в левой половине дома горит чулан и лестница чёрного хода. Оказалось, что загорелось по вине новой жилички, девицы Каниуковой, семья которой неделю как въехала в наш дом. Их мать нищенствовала, девицы вели легкий образ жизни, и только единственный порядочный был их брат по имени Май, работавший на фабрике обуви. У них не было никакого имущества, а потому и отношение к жилью было самое безразличное. Какое-то «барахло» было у них в чулане на чёрной лестнице.

К одной из девиц в этот вечер пришёл «обожатель». Она зачем-то вышла в чулан с зажжённым жгутом бумаги, и когда ей стало обжигать пальцы, она непотухшую бумагу бросила в чулане и сама ушла.

Не скоро почувствовали запах гари и дым, а когда выбежали на чёрную лестницу, то там кругом всё пылало, и огонь уже проник на чердак. Своими силами тушить пожар было уже поздно. Вызвали пожарную команду, а все жители стали таскать вещи напротив, в школьный двор. Хорошо, что там вовсе не было забора. Пожарные команды приехали с замерзшей водой, а в пожарных колонках также не было напора. Пришлось рукава тянуть через чужие дворы с Никитской улицы.

Времени прошло очень много. Уже полностью горела крыша, и огонь перекинулся на кухни. Набежали толпы народа и не столько помогали спасать имущество, сколько старались украсть. В нижних этажах хулиганы разбивали стёкла и через окна тащили всё, что могли унести.

Прибыл дежурный комендантский взвод курсантов Ленинградского артиллерийского военного училища (ЛАУ). Они не столько наводили порядок на улице, сколько стали помогать таскать вещи из квартир. И вот кто-то заметил, что один из курсантов из коробки, сто-

ящей на шифоньере, взял пару хороших Надиных туфель и спрятал их к себе за пазуху. Я подбежал к нему и неожиданно для себя ударил кулаком в лицо, назвав его мародёром. Он с помощью сотрудника райисполкома, угрожавшего ему револьвером, туфли отдал, а потом оказалось, что лучшая модельная пара всё же осталась у него. Мы потом нашли только пустую коробку. Вот так показали свою честность курсанты военного училища. Заявлять на вора мы никуда не стали.

Огонь через чердачное помещение перекинулся на нашу правую сторону и к кухням.

На зарево прибежал из Татарской Юра и много помог в спасении вещей. Он прибежал, когда горела стена комнаты и от пламени раскалился фонарь. Он сорвал его с крючка, но сильно ожог пальцы.

Хорошо помогли в сохранении наших вещей работники школы слепых, Ольга Алексеевна Орлова и слепой учитель Иван Степанович Давыдов. Они помогли на школьной лошади перевезти кое-что из нашей обстановки в школу, а также охраняли имущество от воров.

Много вещей, как: книги, посуда, бельё и прочие мелкие вещи — были перенесены в школу № 5. Массу вещей поломали, побили, но больше всего разворовали, в частности, ценную посуду, красивые, дорогие книги и одежду.

Перед пожаром соседка Полякова В.А. ушла в баню, а Владимир Георгиевич спал в сильном опьянении. С большим трудом мы кое-как его одели и вывели на улицу. Он никак не мог отрезветь, ходил на противоположном тротуаре, размахивал руками и пел «Широка страна моя родная...»

С треском, рассыпая снопы искр, рухнула крыша, а огонь пожирал уже и кухни. Пожарные работали плохо, и среди них было много пьяных.

Полусумасшедший Малафеев Владимир Никанорович, проживавший во флигеле, с криком и бранью отнимал у пожарных брандспойты и усердно заливал свой флигель. Сам же он весь облился и обмёрз. Всё же, надо сказать, только он спас этот дом от загорания, лишь в окнах кое-где полопались и оплавились стёкла. Пожар удалось ликвидировать только после 11 часов вечера. Дом сгорел наполовину, оставаться в нём на ночь было нельзя.

Всех жильцов разместили в квартиры в соседних домах, Поляковы и Бурцева Мар. Акимовна перешли во флигель, где всю ночь оттирали и согревали Владимира Георгиевича, т. к. он, будучи без носок и в худых ботинках, сильно обморозил ноги, да и сам простыл в солдатской шинели. Не легче был и Малафеев, который обморозил руки и сильно простыл сам. Они оба болели несколько дней.

Мы же с Надей ушли в школу слепых, где устроились в канцелярии; из-за недостатка топлива во всём здании был ужасный холод, и лучшего помещения для себя мы найти в школе не могли. Кое-как, укрывшись всеми пальто, мы провели первую ночь вне дома. Рано утром к нам пришёл Юра с женой и с пол-литром водки. Тут мы немного согрелись, закусили тёплой кониной и все вместе пошли опознавать свои вещи в пятую школу, где мы пробыли до трёх часов дня.

В три часа в школе было общее собрание сотрудников по утверждению и выдвижению меня в участковую комиссию по проведению выборов в Верховный Совет РСФСР. В этот день уроков я не проводил.

*Публикация Е. В. Смирновой и А. В. Соловьёвой
Комментарии А. В. Соловьёвой*

*Кострома, центр.
Фото 1940-1950-х гг.*